

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

НЕВЕСТА
БЕЗУМНОГО
ТИРАНА

СПАСТИ ЗЛОДЕЯ

КНИГА ВТОРАЯ

18+

Валентина Зайцева

Невеста безумного тирана: Спасти злодея (книга 2)

<https://litres.ru/73980084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одно хрупкое сердце, полное любви к близким. И одно чудовищное, бьющееся ради одной женщины. В грязных интригах Дворца непорочной Луны Элара Валериус пытается привить монстру милосердие.

Раньше Каллум без колебаний перерезал горло любому врагу, но теперь он скован обещанием убивать меньше. И это натянутое, удушающее сдерживание даётся прирождённому убийце колоссальной ценой. Он буквально душил своего внутреннего зверя, но его подавленная жестокость трансформируется в дикую, леденящую кровь ревность ко всему живому. Каллум Рейн не знает жалости, он завидует каждому, кто дорог его госпоже, и готов стереть их всех, чтобы остаться её единственной вселенной.

Пока Кронпринц Даэн Рейн и коварная Лиана Торн плетут заговоры против семьи Валериусов, Элара понимает: пути назад нет. Чтобы сокрушить врагов, ей придётся принять этот опасный дар и шагнуть в объятия монстра, готового сжечь весь мир ради её мимолётной улыбки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	84
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Невеста безумного тирана: Спасти злодея (книга 2)

Глава 1

Элара Валериус

К апрелю благоухающие бутоны осыпались, и сад окутала густая, тяжёлая зелень. Приближался храмовый праздник Омовения Богини Эларии. Я разложила на столе плотные листы бумаги и принялась растирать чернила, собираясь переписать священные псалмы, чтобы испросить благословения для своей семьи.

По какой-то причине погода казалась мне невыносимо душной, а на душе с самого утра скребли кошки. В груди разливался странный, необъяснимый жар, словно предвестник неминуемой бури.

Едва я коснулась пером бумаги, как в комнату стремительно ворвалась Валерия. В её руке был обнажённый клинок, а глаза горели яростью и торжеством.

— Этот мерзавец, Варкас Торн, мёртв! — выпалила она.

Судя по её словам, его конец был ужасающим и жалким. Мои ресницы лишь слегка дрогнули. Я заставила свой голос звучать абсолютно ровно: — Что с ним случилось?

— Сама не знаю, — Валерия сделала глоток из моей чаш-

ки с чаем. — Его труп нашли в овраге за Храмом Благовонных Теней только сегодня утром. Может, он покончил с собой, испугавшись расплаты? Но если это самоубийство, то почему все его кости и сухожилия раздроблены в крошево, а лицо изуродовано до неузнаваемости?

Моя рука замерла. Пурпурные чернила сорвались с кончика резного пера и расплылись по белоснежной бумаге уродливым, тёмным пятном, похожим на сгусток крови.

Не выдавая своего волнения, я спокойно заменила испорченный лист.

— Если бы он не совершил столько злодеяний с нечистой совестью, он не встретил бы столь жуткий финал. Это его карма.

— И то правда. Смерть для него — слишком милосердный исход, — Валерия с грохотом опустила меч на стол. — Попадись он в мои руки, он бы у меня молил о смерти каждый миг.

В этот момент в открытое окно ворвался резкий порыв ветра, с шумом перелистывая страницы на столе. Валерия посмотрела на моё лёгкое платье, и её тон смягчился: — На улице пасмурно и ветрено. Почему ты так легко одета, Элли?

Она тут же приказала Марте принести плотную верхнюю одежду, опасаясь, что я простужусь.

— Сестра, неужели тебе не кажется, что в эти дни стоит невыносимая жара? — я с недоумением посмотрела на Валерию, которая преспокойно носила три слоя плотных одежд.

— С чего бы? — она удивлённо взглянула на небо за окном. Валерия явно не разделяла моего зноя.

Когда сестра насильно закутала меня в тяжёлое платье с широкими рукавами, мои щёки опалило румянцем от духоты. Не выдержав, я решила перенести письменные принадлежности в павильон у воды, где всегда гулял свежий озёрный ветер. Переписывание псалмов требовало идеальной тишины, поэтому я отослала всех служанок, позволив им отдохнуть.

Я успела вывести лишь две страницы, как за моей спиной раздались размеренные, почти бесшумные шаги. Тёмная длинная тень легла на стол, закрывая свет.

Решив, что кто-то из служанок вернулся вопреки приказу, я отложила перо.

— Мне никто не нужен. Можешь идти.

Человек позади меня не шелохнулся. Спустя мгновение над самым ухом раздался знакомый, леденящий душу голос, в котором сквозило ленивое изящество: — У госпожи потрясающий почерк. Перо скользит безупречно.

Я обернулась. Позади стоял Каллум. Он, очевидно, только что искупался: его иссиня-чёрные волосы не были собраны, а тяжёлой волной ниспадали на плечи. В этом небрежном облике сквозило такое величие и благородство, что у меня перехватило дыхание — именно таким я помнила его в своей прошлой жизни, когда он уже стал Безумным Регентом.

Я смотрела на него несколько секунд, прежде чем заста-

вить себя отвернуться к подставке, где покоилось моё изящное перо, выточенное из чернильно-синего лазурита с накопчиком из тончайшей шерсти редкого фиолетового горноста.

— Это подарок от молодого господина Адриана Августа, — произнесла я, стараясь говорить как можно равнодушнее. — Если тебе нравится, я могу позже подарить тебе такое же.

Каллум ничего не ответил. Лишь его улыбка стала шире, а взгляд сделался ещё более холодным и пронзительным. Он наклонился ко мне так близко, что его рука, затянутая в кожаный наруч, едва не задела моё ухо. Он потянулся к столу и принялся медленно, сантиметр за сантиметром, разглаживать края бумаги тяжёлым пресс-папье.

Когда он склонился надо мной, прядь его волос соскользнула с плеча. Шёлковая, прохладная, она нежно скользнула по моей обнажённой шее.

У Каллума были невероятно красивые волосы. В отличие от его бледного лица и жёсткого, как сталь, характера, его пряди были мягкими, темнее самой безлунной ночи — непривычная, завораживающая деталь для мужчины.

— Как я смею покушаться на то, что принадлежит госпоже, — тихо прошептал он.

Ветер над водой усилился. И вдруг, намеренно или случайно, то самое драгоценное резное перо скатилось со стола, с сухим стуком ударилось о каменный пол беседки и разлетелось на две части.

В глазах Каллума промелькнул опасный огонёк. Он мазнул взглядом по обломкам и мягко произнёс: — Какая оплошность с моей стороны. Я обязательно возьму госпоже эту потерю и найду новое перо.

Его уста говорили об ошибке, но уголки губ были хищно приподняты вверх. В его позе не было ни капли раскаяния.

Я не стала оплакивать дорогую вещь. Вместо этого я не мигая смотрела на локон, свисавший у самого моего лица. То место на шее, которого коснулись его волосы, сперва обдало холодом, а теперь оно горело так, словно к нему прижали раскалённое клеймо. Каллум презирал любые благоволения, но сейчас я уловила от него тонкий, дурманящий аромат... Это были не духи. Что-то неуловимое, напоминающее запах первого снега и надвигающейся бури.

На мгновение я застыла, а священные строки, которые я повторяла про себя, мгновенно выветрились из головы. Словно околдованная этим моментом, я сделала то, о чём в прошлой жизни не смела даже помыслить.

Я протянула руку, перехватила эту шелковистую чёрную прядь и медленно накрутила её на свои тонкие, слегка порозовевшие от волнения пальцы. Виток, ещё один. А затем я подняла на него глаза и открыто улыбнулась: — А у тебя очень красивые волосы, Вейн.

Большая, сильная ладонь, державшая пресс-папье, на мгновение застыла.

В моих глазах, должно быть, отражалось всё смятение

этой безумной весны, а ресницы, точно очерченные тёмной тушью, подрагивали от подступившего волнения. Когда я накручивала шёлковистую чёрную прядь Каллума на свои пальцы, мной владело истинное наваждение.

Но стоило мне встретиться с его глубокими, застывшими глазами, напоминающими ледяную бездну, как сердце оглушительно застучало, возвращая меня к реальности. Опомнившись, я медленно опустила руку. Чужая прядь скользнула по моим пальцам — прохладная, невесомая, оставив после себя мимолётное, почти болезненное покалывание.

Каллум не изменил позы. Всё так же удерживая пресс-папье, он словно взвешивал каждое слово, а затем неторопливо спросил: — Только что... госпожа со мной заигрывала?

Озёрный ветер всколыхнул тонкую завесу павильона, и я почувствовала, как удушливый жар с новой силой прилил к моим щекам, окрашивая даже кончики ушей в нежно-розовый цвет. Невероятно: этот жестокий, ледяной человек вообще знал значение слова «заигрывать»!

— Любовь к прекрасному свойственна каждому, я лишь не удержалась от похвалы, — пробормотала я какую-то нелепицу.

Неловко опустив взгляд, я поспешно собрала свои письменные принадлежности и поднялась: — Я пойду... возьму другое перо.

Не смея взглянуть на выражение его лица, я прижала к груди листы пергамента и торопливо сбежала, чувствуя спи-

ной его долгий, недовольный взгляд. Наверняка он счёл эту спонтанную выходку глупой игрой.

Оказавшись в уединённом уголке сада, за кирпичной стеной, я остановилась, тяжело прислонившись к каменной кладке. Одной рукой я всё ещё обнимала смятые листы, на которых сырые чернила уже расплылись, пачкая моё платье на груди, а другую руку прижала к горящим щекам, пытаюсь охладить их.

Что со мной произошло? Я искренне не понимала, какой бес попутал меня сказать Каллуму столь легкомысленные слова. Неужели это отголоски привычек из прошлой жизни, когда мне приходилось использовать всю свою мягкость и покорность, чтобы выжить в его дворце? Облака затмили солнце, и прохладный весенний ветер ласкал лицо, но так и не смог рассеять этот странный, лихорадочный жар внутри меня.

***

На восьмой день четвёртого месяца, в Праздник Омовения Богини Эларии, ворота всех городских храмов запахнулись настезь. Столицу заполнили звуки священных псалмов, повсюду раздавали милостыню. В нашей Империи Остерии, где свято чтит Богиню, в этот день знатные дома традиционно варили густой мясной бульон с пряностями и раздавали солёные бобы прохожим, чтобы привлечь благословение небес.

Небо затянуло тучами, но погода стояла необъяснимо

душная. Я вяло обмахивалась веером, полулежав на кушетке, когда в комнату вошла Марта с изящной карточкой в руках.

— Госпожа, вам приглашение от семейства Августов! Наверняка молодой господин зовёт вас вместе раздавать милостыню, — радостно зашебетала служанка, протягивая мне послание.

В её глазах совместное участие в празднике было важным знаком: шаг со стороны Августов означал публичное признание нашей помолвки. Раз их дом проявляет такое почтение, значит, брак моей госпожи будет благословенным. Разве это не прекрасная сказка о идеальной паре?

Я взяла карточку и открыла её. Почерк принадлежал Адриану Августу, и скреплено послание было его личной, а не семейной печатью.

— Эту карточку доставил главный управляющий дома Августов? — спросила я.

— Нет, стражники сказали, что её принёс личный слуга молодого господина Адриана, — Марта налила мне чаю, явно растерявшись. — А разве есть разница, госпожа?

Мне хватило мгновения, чтобы выстроить логическую цепочку. Это приглашение не было одобрено родителями Адриана; это был его личный, тайный порыв. В доме канцлера царили строгие правила и суровый этикет. Очевидно, недавние грязные слухи о моём «бесчестии», запущенные во дворец, не только расстроили планы кронпринца Даэна, но и

заставили самого канцлера заколебаться. Именно поэтому официальное заключение брака затягивалось.

Скорее всего, Адриан испугался, что я начну сомневаться в нём, и решился на этот шаг, желая доказать: он не откажется от меня. Его намерения были чисты, но, увы, несвоевременны.

Я велела Марте принести бумагу и чернила и написала вежливый, но твёрдый отказ. Появляться на публике с мужчиной без официального объявления помолвки противоречило правилам приличия. Я не хотела усложнять жизнь ни себе, ни Адриану.

Едва я запечатала ответ, как слуга от моего брата Юлиана постучал в двери: — Госпожа, пора начинать раздачу бульона.

В этом году обустройством благотворительного шатра у ворот нашего поместья занимался Юлиан. Сейчас брат вяло и безжизненно помешивал огромный чан с бульоном, полностью растеряв свою былую жизнерадостность. Я знала причину его тоски: семья уже отправила три письма и шесть свадебных даров, сватая за него старшую дочь почтенного семейства Смалиусов. Юлиан обожал волевых, боевых женщин, а одна мысль об изнеженной, капризной аристократке вызывала у него головную боль. С приближением свадьбы он становился всё мрачнее.

Я подошла ближе, скрывая лицо под капором с густой, плотной вуалью, и неожиданно обнаружила, что под наве-

сом, среди слуг, находится и Каллум.

— Госпожа, — негромко позвал он, подняв на меня глаза.

Каллум в тёмных воинских одеждах стоял прямо и гордо. Его иссиня-чёрные волосы снова были полураспущены. Когда он наклонился, чтобы поднять упавшую утварь, красивая тёмная прядь скользнула по его плечу, мгновенно напомнив мне то шёлковое, прохладное ощущение на моих пальцах... Кажется, с тех пор, как я похвалила его волосы пару дней назад, он почти перестал собирать их полностью, позволяя им свободно падать на плечи, что придавало его облику опасное, хищное изящество.

Я невольно засмотрелась на него. Каллум подошёл ближе, протягивая мне промасленную бумагу, и, намеренно понизив голос, спросил: — Неужели я настолько хорош собой, госпожа?

Заметив насмешливую, знающую искру в его глазах, я снова почувствовала, как к ушам прилил жар. К счастью, плотная вуаль надёжно скрывала моё лицо. Я выхватила бумагу из его рук, сворачивая её в воронку, и строго спросила: — Почему ты здесь?

— Клеон отлучился по поручению генерала, а людям Юлиана не хватало рук, — небрежно отозвался он.

Я тихо вздохнула и повернулась к брату, принимая из его рук черпак. Наполняя воронки горячим бульоном и насыпая бобы, я принялась раздавать их нищим и прохожим.

— Элли! — звонкий, чистый голос прорезал шум толпы.

Это была Беатрис. Расталкивая людей, она подбежала к нашему шатру, раскрасневшаяся и весёлая. — Я собираюсь на Гору Парящих Облаков, в Храм, чтобы вымолить благословение. Пойдёшь со мной?

В последние дни я чувствовала себя странно ослабевшей из-за этой духоты. Пока я колебалась, Беатрис отобрала у меня бумажный сверток и зашептала на ухо: — Пойдём, ну же! Сегодня в Храме предсказания на любовь и брак обладают невероятной силой. Неужели ты не хочешь вытянуть любовную записку для одного прекрасного господина Августа?

Позади нас раздался резкий, неприятный стук. Каллум с силой опустил фарфоровый черпак на деревянный стол. На его губах играла ледяная, пугающая улыбка: — Прошу прощения. Рука сорвалась.

По какой-то причине мне мгновенно вспомнилось то перо, разлетевшееся в щепки у павильона.

Не выдержав настойчивых уговоров подруги, я сдалась: — Хорошо, я пойду.

Беатрис радостно воскликнула и крепко взяла меня под руку, обернувшись к моему брату: — Молодой господин Валериус, я забираю Элли! Обещаю вернуть её в целости и сохранности до семи вечера!

Меня потянули за собой. Сделав пару шагов, я притормозила и слегка приподняла край вуали, открывая половину своего лица. Посмотрев прямо на застывшего Каллума, я негромко, но властно произнесла: — Вейн, ты идёшь со

мною. Следуй за нами.

Каллум устремил долгий, непроницаемый взгляд на Храм на Горе Парящих Облаков. Он опустил глаза, пряча в их бездонной глубине первозданную, поглощающую тьму, и безмолвно кивнул, соглашаясь следовать за нами.

Юлиан проводил нашу удаляющуюся процессию задумчивым взглядом, а затем небрежно бросил одному из своих гвардейцев: — Следуй за ними. Береги вторую молодую госпожу.

Воин почтительно отдал честь, поправил тяжёлый эфес меча на поясе и двинулся следом за нами, растворяясь в толпе.

Рыночные кварталы Остерхольда бурлили жизнью. Торговые ряды ломались от товаров, а издалека доносилось мерное храмовое пение, смешанное с густым, умиротворяющим ароматом сандаловых благовоний. Но Беатрис была слишком непоседлива для благочестивых мыслей. По пути её привлекала абсолютно любая витрина и каждая кричащая лавка: она то хваталась за диковинные безделушки, то заморожённо разглядывала заморские ткани, ни секунды не оставаясь в покое.

Я шла чуть позади, краем глаза наблюдая за Каллумом, который неизменно держался на полшага позади меня. В его безмолвии сквозило что-то зловещее, пугающая грация затаившегося хищника, искусно скрываемая маской покорного слуги. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей — или же

спасти саму себя от гнетущего напряжения, — я запустила руку в вышитый мешочек на поясе и достала маленькую вещицу.

— Протяни руку, — обернувшись, негромко велела я.

Каллум, погружённый в свои тёмные думы, резко замер. Поколебавшись мгновение, он послушно раскрыл ладонь. Я бросила на его бледную кожу, иссечённую шрамами Арены, маленький комочек сливочной помадки, завёрнутый в промасленную бумагу.

Развернув её, нежный молочный аромат заполнил пространство между нами. Каллум удивлённо изогнул бровь, недоверчиво принюхался и выжидающе уставился на меня своими обжигающе холодными глазами. Вокруг нас бушевала многоликая толпа, проносились роскошные экипажи и всадники, олицетворяя вечное, незыблемое процветание столицы. Изнывая от душного, предгрозового зноя, я слегка обмахнулась веером, сделала шаг вперёд, и сама бережно вложила сладость ему в губы.

— В ней нет жгучего перца, — с мягким, едва уловимым вздохом произнесла я, стараясь звучать непринуждённо. — Ешь спокойно и ни о чём не думай.

Когда мои пальцы случайно коснулись его губ, время словно остановилось. Каллум застыл, поражённый этой внезапной, почти запретной нежностью, да и я сама опешила от собственного жеста. Это было секундное наваждение, инстинкт, который я не успела вовремя подавить. В последние

дни я слишком расслабилась рядом с этим будущим тираном, позволяя себе непозволительные глупости. К счастью, в бурлящем человеческом море никому не было дела до случайного прикосновения юноши и девушки на людной улице.

Каллум молчал, медленно перекатывая конфету языком. Его ледяные глаза опасно сузились. Решив, что сладость хоть немного растопила его вечную настороженность, я тихо спросила: — Ну как, сладко?

Он не спеша прикусил помадку, но его взгляд оставался намертво прикованным к моему лицу под полупрозрачной вуалью. Спустя вечность, которая показалась мне остриём клинка, он произнёс с пугающе глубоким, двусмысленным вздохом: — Очень сладко, госпожа.

Я облегчённо улыбнулась. Моя вуаль не могла скрыть этой сияющей, искренней улыбки, на миг разогнавшей сгущающиеся тучи.

— Элли, ну чего ты там застряла? — Беатрис, заметив, что я сильно отстала, вернулась, бесцеремонно схватила меня за запястье и потянула за собой. — Живее, живее, не заставляй кое-кого сгорать от нетерпения и тоски!

Только переступив порог величественного Храма на Горе Парящих Облаков, я до конца поняла, кого именно имела в виду Беатрис под этим «кое-кто».

У монументальной, покрытой сусальным золотом статуи Богини Милосердия Элэрии стоял Адриан Август. Услышав наш девичий смех, он медленно обернулся. На его благород-

ном, чистом лице расцвела сдержанная, утончённая улыбка человека, не знавшего приграничной грязи и войн. Он выглядел как истинное дитя света — абсолютная противоположность тому мрачному силуэту, что безмолвной тенью замер у входа в храм.

— Леди Элара, — Адриан тепло поприветствовал меня, а затем учтиво поклонился моей спутнице: — Благодарю вас, юная графиня Танмарк.

— Ну всё, я своё дело сделала, привела её в целости. Болтайте, сколько душе угодно! — Беатрис весело замахала руками и легковесно упорхнула из зала, оставив нас наедине.

Я беспомощно вздохнула и повернулась к сыну канцлера, стараясь унять странную тревогу в груди: — Что привело тебя сюда, брат Адриан? Зачем этот тайный визит?

— Не вини Беатрис, это я умолял её устроить нашу встречу вопреки запретам, — Адриан опустил руку в складки своих роскошных шёлковых одежд и бережно извлёк изысканный серебряный кулон со вставкой из чистейшего морозного топаза на тонкой, искусно сработанной цепочке. Он протянул его мне обеими руками, словно величайшую святыню. — Этот топаз благословлён верховным жрецом нашего Храма. Он обладает великой силой: способен отгонять любые тёмные несчастья, защищать от сглаза и даровать благословение неба. Я искренне собирался преподнести его тебе сегодня в главном зале нашего поместья, в присутствии наших семей и почтенных старейшин, но...

Он запнулся, его уши очаровательно порозовели от смущения, и он продолжил едва слышно, глядя мне прямо в глаза: — Но отдать его тебе здесь, наедине, перед лицом самой Богини... это значит для меня даже больше. Прошу, прими его.

Глава 2

Каллум Рейн

Перед главным молитвенным залом Храма на Горе Парящих Облаков раскинуло свои пышные ветви двухсотлетнее священное древо Богини Эларии. Каждый год толпы набожных мужчин и женщин стекались сюда, чтобы вверить небу свои самые сокровенные желания и чувства. Они выводили свои земные страсти на алых бумажных лентах и привязывали их к ветвям шёлковыми шнурами.

Я обмакнул перо в чернила и быстрыми, резкими, наполненными скрытой силой взмахами написал несколько слов. Дождавшись, пока надпись чуть подсохнет, я свернул ещё влажную ленту и передал её подошедшему юному послушнику. Мальчишка не стал вешать моё послание на обозрение толпы. Вместо этого он ловко спрятал его в широкий рукав своего одеяния и, пользуясь суматохой среди молящихся, стремительно направился вглубь монастыря, к уединённым кельям заднего двора.

Провернув всё это в абсолютном молчании, я не спеша вернулся к боковому приделу храма. Стоило мне переступить порог, как взгляд наткнулся на омерзительную сцену: этот холёный сынок канцлера, Адриан Август, с самым благочестивым видом протягивал Эларе Валериус серебряный кулон со вставкой из чистейшего морозного топаза на изящ-

ной цепочке. Этот его нерешительный, робкий вид, за которым скрывалось банальное желание обладать, вызывал у меня лишь тошноту. Внутри зашевелилась привычная, тёмная злость.

Хруст!

Я с силой, без единой эмоции на лице, раздавил зубами ту самую сливочную помадку, которую Элара вложила мне в рот. Пережёвывал так, словно это были кости моего злейшего врага.

— Редкостная гадость. Кислая, — процедил я сквозь зубы и брезгливо сплюнул остатки сладости.

Я резко обернулся к позолоченному жертвенному блюду у алтаря Богини, в начищенной до блеска поверхности которого смутно отражался мой силуэт. В этом тусклом зеркале металла я увидел собственные глаза — в них больше не осталось ничего человеческого. Зрачки затопила голодная, первородная мгла, готовая сожрать любого, кто посмеет коснуться того, что я уже безмолвно нарёк своим.

***

Элара Валериус

Я смотрела на сверкающий морозный топаз в руках Адриана, чувствуя, как внутри разгорается странный, неестественный зной.

— Брат Адриан, ты и так даришь мне слишком много, — выдохнула я, и этот выдох показался мне обжигающе горячим. — А мне совершенно нечем тебе отплатить.

— Всё, что я отдаю тебе, никогда не будет слишком большим... — губы Адриана продолжали двигаться, он говорил что-то ещё, его лицо светилось благородством, но я уже ничего не слышала.

Звуки внешнего мира внезапно отдалились. Странно: я видела, как шевелятся его губы, но вместо слов до моего уха доносился лишь монотонный, оглушительный гул, от которого болезненно запульсировало в висках. Я широко распахнула глаза, пытаюсь сфокусировать взгляд, но всё вокруг плыло, искажалось и рассыпалось на размытые цветные пятна. Зрительные образы безнадёжно, мучительно опаздывали.

Дон-н-н——

Храмовый колокол содрогнулся от глубокого, глухого удара. Тяжёлый звук эхом отозвался в моём теле. Я почувствовала, как волна обжигающей крови резко хлынула к голове, опалая щёки лихорадочным румянцем, а затем ядовитым пожаром растеклась по конечностям и болезненным узлом скрутилась внизу живота.

Это было слишком странно. Неправильно. Ошибочно.

Этот удушающий, лишающий воли жар... он был в точности таким же, как в тот проклятый день, когда меня заперли в тесной кладовой и опоили дурманом. Нет, сейчас всё было в сотни раз хуже, яростнее, невыносимее. Дурман выжигал меня изнутри.

Заметив, как мертвенно побледнело и тут же покрылось неестественным румянцем моё лицо, Адриан испуганно пе-

ременился в лице. С искренней тревогой он сделал быстрый шаг навстречу и потянулся ко мне: — Элли, что с тобой? Тебе плохо?

— Не подходи ближе! — в панике выкрикнула я, инстинктивно отпрянув от его протянутой руки.

Но ноги не слушались. Шаг вышел неровным, смазанным, и я спиной с размаху налетела на ритуальный стол, с грохотом опрокинув чаши с подношениями и священным пеплом. Череди звонких, дребезжащих звуков заставила послушников за дверями удивлённо обернуться.

Мне было наплевать на замешательство Адриана. Цепляясь за последние, ускользающие крохи сознания, я трясущимися руками натянула на лицо капор и бросилась к выходу из зала. Животный инстинкт кричал: мне нельзя, смертельно нельзя оставаться в толпе! Случится что-то непоправимое, постыдное, что погубит меня навсегда.

На площади перед храмом сегодня было не протолкнуться, паломники стояли плечом к плечу. Моё зрение окончательно превратилось в зыбкое, размытое марево. Я бежала вслепую, без всякого направления, совершенно не сознавая, что уйду всё дальше и дальше в противоположную сторону от того места у стены, где меня дожидались Марта и гвардейцы брата.

Дыхание стало прерывистым, рваным и свистящим. Лица прохожих превратились в жуткие, плывущие маски, и мне казалось, что каждый из них насмешливо улыбается, глядя

на мою слабость. Вокруг был священный храм, но я ощущала себя запертой в роскошном, греховном вертепе. Этот многоголосый праздничный шум давил на сознание, убаюкивал, манил сдаться и безвольно утонуть в этой лихорадке.

Я споткнулась, едва удерживаясь на ногах. Я не знала, сколько прошла и где нахожусь, а выхода из этого лабиринта тел не было. Разум неумолимо погружался во тьму, оставляя после себя лишь липкое, унижительное отчаяние.

Вдруг моё запястье перехватили. Мёртвой, стальной хваткой.

Кто-то шёл напролом, рассекая толпу, словно карающий клинок, и этот кто-то безжалостно зажал мою руку в своих пальцах. Инстинктивно я попыталась вырваться, дико забилась, но сквозь пелену слёз и дурмана увидела знакомый размытый силуэт — высокий, прямой, возвышающийся над толпой подобно обнажённому мечу.

— Это я, — раздался над ухом знакомый, спасительно холодный голос.

Я уставилась на него безумным, невидящим взглядом. Моя пылающая, мокрая от пота ладонь сама, наперекор рассудку, судорожно вцепилась в его крепкие пальцы. Так утопающий цепляется за последний обломок корабля посреди бушующей бездны.

— Вейн... Вейн... со мной что-то не так... — пробормотала я.

Я искусала губы до крови, пытаюсь удержать ускользаю-

щее «я», по моим вискам крупными каплями катился пот. Голос дрожал, срываясь на жалкие, рваные всхлипы: — Я не знаю... что происходит... помоги мне...

***

Каллум Рейн

Силы окончательно покинули её. Обмякшее, хрупкое тело безвольно рухнуло бы на грязные каменные плиты, прямо под ноги этой безмозглой толпе, если бы я на лету не подхватил её. Моя ладонь жестко легла на её тонкую талию. Даже сквозь плотные слои дорогой ткани платья я всем телом ощутил тот страшный, испепеляющий жар, который пожирал Элару изнутри.

Её лицо пылало пугающим пунцовым цветом, в полуоткрытых, затуманенных глазах застыла пьянящая, неосознанная истома, а прерывистое дыхание источало едва уловимый, приторно-сладкий аромат...

Всё точь-в-точь как тогда, в запертой кладовой.

Я мгновенно понял, что произошло. Внутри меня залокотала ярость — чистая, первобытная, смертоносная. Какой подонок посмел снова осквернить её этим ядом? Этот ничтожный слизняк Адриан? Или кто-то ещё из этой набожной швали, заполонившей святыню? Мне хотелось вырезать этот чертов Храм до единого человека, раздавить каждого, кто посмел бросить на неё свой липкий взгляд. Но сейчас её лихорадочный хрип заставил моё сердце пропустить удар.

Я быстро оценил обстановку. У этого храмового двора бы-

ло всего два выхода. Первый вёл к главным воротам, но там всё было забито поющими псалмы монахами и жалкими паломниками. Попробуй мы прорваться туда — и эти лицемерные твари сразу заметят неподобающее, компрометирующее состояние дочери генерала Валериус. Я не позволю грязным сплетням коснуться её. Она принадлежит мне, и никто не смеет видеть её такой уязвимой.

Второй выход вёл к заброшенным, уединённым кельям в глубине заднего двора. Туда, куда я никогда в жизни не приводил живых людей. Обычно там находили лишь смерть.

Не колеблясь ни секунды, я крепче перехватил Элару, прижимая её обжигающее тело к своей груди, и понёс прочь. Словно яростный чёрный вихрь, я ворвался в глухой монастырский коридор и одним мощным ударом ноги выбил деревянную дверь дальней кельи.

Ирэ как раз разворачивал ту самую алую бумажную ленту с моим тайным приказом, которую ему передал послушник, когда я ворвался внутрь. На лице моего соратника отразилось крайнее изумление. Он мгновенно вскочил, на автомате хватаясь за эфес клинка: — Вы...?

Но договорить он не успел, заметив полубессознательную женщину на моих руках.

Я бережно, но быстрым движением уложил Элару на жёсткую монастырскую кровать. А затем наградил Ирэ таким леденящим, смертоносным взглядом, от которого кровь стыла в жилах. В моём голосе звенела сталь, готовая сорваться на

казнь: — Вон.

Ирэ не стал задавать лишних вопросов — он слишком хорошо знал, что бывает, когда я теряю контроль. Не поднимая глаз и сохраняя каменное выражение лица, он стремительно вышел, плотно прикрыв за собой дверь, и встал на стражу в десяти шагах от кельи.

Мы остались наедине в звенящей тишине. Я повернулся к кровати, глядя на то, как она мучается от жара, и моя тёмная одержимость запульсировала в венах с новой, пугающей силой.

***

Адриан Август

После нескольких пасмурных дней тучи окончательно заполонили небосвод, повиснув над горизонтом, точно пролитые чернила. Налетел резкий ветер, сорвав с неба первые тяжёлые капли.

Постепенно дождь припустил сильнее, с глухим, яростным шумом забарабанив по черепичным крышам храмовых приделов.

Прихожане неуклюже прикрывали головы широкими рукавами плащей, пытаясь спастись от ливня; под навесами и в молитвенных залах Богини Эларии мгновенно образовалась давка. Я стоял у восточного крыла, всматриваясь в серую стену воды, когда из пелены дождя ко мне бросились служанка Марта и гвардеец Клеон. Они искали Элару с разных сторон, но вернулись ни с чем.

— Вы нашли её? — я сделал шаг вперёд, не в силах больше скрывать леденящую тревогу, от которой сжималось сердце.

Марта и Клеон одновременно покачали головами.

— Юный господин Адриан, что именно вы сказали моей госпоже? — в голосе Марты зазвенели злые слезы.

Гвардеец Клеон тут же дёрнул её за рукав, осаживая и безмолвно напоминая, что перед ней сын канцлера и дерзить ему опасно. Но девчонка слишком преданно любила свою хозяйку: она бесцеремонно стряхнула руку стражника и упрямо продолжила: — Как могло случиться, что мгновение назад они мило беседовали, а в следующий миг она внезапно сбежала?

Я ничего не ответил. Мои пальцы судорожно, до боли сжали серебряный кулон с морозным топазом, который я так и не успел ей подарить.

Перед глазами с пугающей отчётливостью встал тот день, когда я, отбросив гордость, на коленях умолял генерала Дамиана Валериус и леди Серафину благословить наш союз. И её последующие слова, сказанные тихим, но леденящим, непоколебимым тоном в тени садовых деревьев: *«Брат Адриан, ты прекрасен, но я никогда в жизни не думала о замужестве»*.

В груди болезненным узлом завязалась горечь, смешанная с паникой и беспомощностью — настоящий шквал удушьяющих чувств. Неужели моя искренность, моё тайное при-

знание здесь, в святыне, снова напугали её? Но ведь она сама когда-то говорила, что ей по душе мягкие, благородные книжники и учёные мужи, а не грубые приграничные воины. Почему же она бежит от меня?

— Нужно искать в других приделах, — прервал мои мысленные мучения гвардеец. — Карета госпожи Элары всё ещё у ворот, значит, она не могла уйти далеко.

Марта сокрушённо оглядела высокие монастырские башни, хмурясь от подступающих слёз. Под таким проливным дождём, среди сотен чужих людей... куда же могла исчезнуть моя хрупкая Элли?

***

Каллум Рейн

Снаружи, на высокой каменной платформе перед Храмом, больше десятка высокопоставленных жрецов оставались недвижимы под проливным дождём. Невозмутимо закрыв глаза, они истово читали очищающие псалмы, пытаясь отвести беду от Остерхольда. Но их молитвы были мертвы.

Здесь же, в полумраке кельи, кости Элары словно превратились в мягкий воск. Дурман выжигал её изнутри, превращая рассудок в зыбкое, заволочённое туманом марево. Я уже проверил её пульс и влил ей в рот горький настой из своих личных запасов, но всё было тщетно: действие яда не ослабевало, а лишь наслаивалось одно на другое, сокрушая её тело.

— Вейн... — позвала она.

Она смотрела на меня, её затуманенный взор блуждал по

моим чертам. Элара отчаянно пыталась мне что-то объяснить, но её непослушное тело наперекор воле прижималось ко мне. Голос её звучал прерывисто, хрипло, с явной паникой: — Я не... ничего не ела. Ничего подозрительного...

С тех пор как она сегодня покинула стены родного дома, она на улице даже глотка чая не сделала. Бедняжка просто не понимала, в какой момент совершила роковую ошибку.

— М-м, я знаю, — глухо отозвался я.

Позволив ей опереться о моё плечо, я убрал пальцы от её запястья.

— Это не новая отравка. В твоей крови проснулся осадок от того благовония, которым тебя опоили в прошлый раз.

Элара уставилась на меня, её глаза покраснели от подступающих слёз, а покусанные губы дрожали. Прошлый кризис ведь был преодолён, почему же проклятый яд вспыхнул вновь?

Глядя на её растерянность, я вспомнил об одном омерзительном составе, тайну которого когда-то узнал в «Обители Желаний». На подпольных рынках столицы его именовали «Пыльца Слепого Искушения» — порошок, заставляющий жертву ломаться трижды, лишая её малейшей возможности сопротивляться. Если Элару тогда окурили именно этой дрянью, то вторая волна поднимется со дна её естества с такой яростью, что никакая хвалёная сила воли не сможет её удержать.

— Противо... противоядие... — сорвался с её губ над-

рывный, едва различимый шёпот.

Её расфокусированный, безумный взгляд намертво прилип ко мне, словно я был единственной соломинкой, способной удержать её над бушующей бездной.

— Противоядия нет, моя дорогая госпожа, — я крепче перехватил её ускользающее, обмякшее тело, плотно прижав к своей груди. — Единственное лекарство... моя госпожа сама знает какое.

— Вейн! — в муке выкрикнула Элара и зажмурилась, пытаясь оттолкнуть неизбежное.

Я на мгновение замолчал. Лихорадочный, пунцовый румянец заливал её щёки, похожий на пролитое вино, и в моих собственных глазах заворочалась первородная, тёмная мгла. Во мне боролись циничное желание забрать её себе прямо сейчас и странная, несвойственная мне жалость к её хрупкости.

— Это место безопасно. Ни одна живая тварь не посмеет нас беспокоить.

Видя, как она дрожит всем телом и упрямо отказывается поддаваться инстинктам, я поднял руку и бесцеремонно откинул край её капора, нахмурившись.

— Это вторая волна, Элара. Пытаться перетерпеть её всухую — хуже, чем умереть на Арене Зверей.

— Нет... — этот выдох она буквально выдавила сквозь плотно сжатые зубы.

— Моя госпожа всё ещё брезгует мной? — я понимаю-

ще кивнул, и мой голос, вопреки бушующей внутри ярости, стал вкрадчивым, пугающе мягким. — Даже если так, у вас нет выбора. Конечно, мы могли бы поймать какого-нибудь случайного встречного на дороге, но тогда мне пришлось бы перерезать ему глотку сразу после того, как он облегчит ваши страдания...

На мгновение в моих мыслях всплыл образ её благородного возлюбленного детства, Адриана Августа. Уж его-то в Остерии никто бы не посмел попрекнуть. Но пока Элара балансировала на грани беспамятства, я с ледяным безразличием вычеркнул этого холёного щенка из уравнения и ровно продолжил: — А поскольку моя госпожа так не любит, когда я убиваю людей, этот способ нам категорически не подходит.

— Нет! — упрямо повторила она, а её пальцы с такой силой вцепились в мой воротник, что побелели костяшки. — Если я сделаю это здесь... под боком у святыни... чем я буду лучше этой падшей Лианы Торн?

Сандаловый дым тонкой струйкой вился над столом, а вырезанный на стене огромный лик Богини Эларики казался не благословением, а суровым карающим заклятием. Мои глаза хищно блеснули. Временами я искренне восхищался этой её гордой, чистой строптивостью, граничащей с безумием.

— Какая разница, что мы находимся в монастырской келье? — я коротко, ядовито рассмеялся. — Госпожа Элара, прямо сейчас ваши кости грызут десять тысяч невидимых муравьёв, а пламя похоти выжигает ваше чрево. Но Богиня,

восседающая на алтаре, остаётся безразличной, не ведая ни скорби, ни радости. Разве она спустилась, чтобы спасти вас?

В её разрушенном мире не осталось святых. Единственным, кто стоял подле неё, был этот самый презираемый всеми монстр.

У Элары больше не нашлось сил для спора. Она калачиком свернулась в моих руках; пот насквозь пропитал её тонкое бельё. Она достигла своего абсолютного предела.

Ей было очень больно сдерживать этого зверя внутри себя, верно? Какая жалость.

Я перевёл взгляд на неприметную сизо-зелёную каменную плиту прямо под монастырским столом. Мои пальцы в задумчивости отбивали неровный ритм по собственному бедру. Секундное колебание — редкая роскошь для меня. Наконец, под очередной невыносимый, глухой стон, сорвавшийся с её искусанных губ, я поднялся, подошёл к столу и с силой наступил на скрытый камень.

Раздался едва слышный щелчок скрытого механизма. Жёсткое ложе под телом Элары с глухим рокотом сдвинулось в сторону, обнажая зев тёмной, уходящей в бездну каменной лестницы. Потайной ход.

Говорят, хитрый лис всегда роет три норы. Этот подземный склеп был моим последним, самым надёжным убежищем в Остерхольде. О его существовании знали лишь единицы из моих верных псов, и ни одна посторонняя живая душа никогда не переступала этот порог. Если бы Ирэ увидел,

что я тащу сюда человека, да ещё и женщину... он наверняка решил бы, что я окончательно лишился рассудка.

Я наклонился, вновь подхватывая тяжело дышащую Элэру на руки. Моя ладонь мягко, но властно прижала её голову к моей груди, пряча её лицо от холодного храмового воздуха. Шаг за шагом я стал спускаться по ледяным ступеням подземного коридора, пока темнота Обитатели не поглотила наши силуэты целиком.

***

Элэра Валериус

Мои чувства окончательно притупились. Разум швыряло из крайности в крайность: в одно мгновение мне казалось, будто я парю высоко в облаках, а в следующее — камнем тону в ледяной воде.

Когда я с трудом разомкнула веки, пытаюсь выбраться из этого вязкого забытья, то обнаружила вокруг непроглядную, зловещую тьму. Мы больше не были в монастырской келье. Я понятия не имела, куда Вейн несёт меня, и в этой глухой чёрной пустоте единственным ориентиром служило его ровное, размеренное дыхание прямо над моей головой.

От слабого покачивания при шагах во мне проснулся животный страх потерять эту единственную опору. Инстинктивно я потянулась вперёд и обвила руками шею Вейна, с постыдной жадностью прижимаясь к его телу. Я была похожа на умирающего от жажды путника, который после долгих скитаний обрёл оазис: каждый сантиметр близости к нему

на крохотную долю секунды остужал тот невыносимый, сжигающий меня изнутри зной. Моё лицо уткнулось в изгиб его шеи, и моё горячее, лихорадочное дыхание, источающее приторно-сладкий аромат, коснулось его кожи.

Я почувствовала, как шаги Вейна на мгновение едва заметно замедлились, но уже в следующий миг он пошёл дальше, словно ничего не случилось.

— Мы почти на месте госпожа, потерпите ещё немного, — его голос прозвучал непривычно хрипло, а шаг стал стремительнее.

Спустя какое-то время движение прекратилось. Вейн бережно опустил меня на широкую кушетку. Вокруг по-прежнему царил абсолютный мрак, не озаряемый ни единым проблеском света; в воздухе явственно ощущался застоявшийся, сырой холод давно заброшенного подземелья.

Вейн присел на край ложа. Чуть наклонившись ко мне в темноте, он безошибочно нашёл взглядом мой силуэт и тихо произнёс: — Это место за пределами Храма. Моя госпожа может ни о чём не беспокоиться.

Только оказавшись совсем близко, он, должно быть, понял, что меня бьёт сильная, неукротимая дрожь. Но это была не та дрожь, которую вызывает плотское вожделение — я трепетала от самого настоящего, парализующего ужаса. Одиночество, замкнутое пространство и темнота... Всё точь-в-точь как в тот злосчастный день в кладовой поместья Торна, когда я точно так же сжималась в комок, обнимая собствен-

ные колени.

— Моя госпожа боится темноты?

Вейн словно разгадал мои мысли. Он приподнялся, опираясь рукой о край кушетки. Но стоило ему сделать движение, чтобы отойти, как я в панике мёртвой хваткой вцепилась в его запястье. Я была уверена, что моя горячая, лишённая сил ладонь обжигала его кожу своим неестественным жаром.

Уголки губ Вейна слегка дрогнули в полуулыбке. Он мягко коснулся моих пальцев, успокаивая: — Я лишь зажгу лампы.

Моя рука на его запястье задрожала и медленно, нехотя разжалась. Вейн привычным движением извлёк огниво и, держась за спиной, поочерёдно зажжёт масляные светильники на всех четырёх стенах. Вспыхнувшее пламя мгновенно отбросило его тень на каменную кладку — высокую, суровую, похожую на замершего в прыжке хищного зверя.

***

Каллум Рейн

Как только свет светильников разогнал леденящий мрак подземелья, я загасил фитиль огнива и повернулся к кушетке. Элара лежала, беспомощно свернувшись калачиком, и из её груди вырывались тихие, надрывные стоны. Вспыхнувший огонь озарил её пунцовые, лихорадочные щёки и яркую, пугающую красноту на губах.

Я нахмурился. Отбросив огниво в сторону, я шагнул к ней

и грубовато, но властно прижал палец к её горячим губам: — Не кусай себя. Это бесполезно.

Её глаза были плотно закрыты, а зубы до предела стиснуты. Только тогда я заметил то, от чего внутри всё перевернулось: эта кровь была вовсе не от покусанных губ. Она тёмной струйкой просачивалась сквозь зубы — Элара с такой безумной, противоестественной силой сдерживала рвущуюся наружу «Пыльцу Слепого Искушения», что лопались сосуды. Ещё немного этого упрямого сопротивления, и её слабое сердце просто сгорит. Она убьёт себя собственной гордостью.

Мой взгляд мгновенно потемнел. Ярость и глухое раздражение на её глупую стойкость затопили разум. Я резко перехватил её хрупкий подбородок, заставляя подчиниться

— Открой рот.

Я силой разомкнул её стиснутые челюсти своими губами. Элара судорожно повернула голову и выплюнула скопившуюся кровь прямо на мои пальцы. Подобно выброшенной на берег, задыхающейся рыбе, она бессильно припала к моей груди, жадно и прерывисто хватая ртом холодный воздух тайника.

На мои губах остался след её горячей, сладковатой крови. Я долго, немигающе смотрел на эту строптивую девчонку, чувствуя, как внутри закипает ядовитый коктейль из ревности и обладания, а затем тихо, зловеще рассмеялся: — Моя госпожа готова зайти так далеко ради своего Адриана Авгу-

ста?

На моём лице заиграла блистательная, торжествующая улыбка, но глаза оставались леденящими. Мне хотелось причинить ей боль этими словами, вытравить из её головы лютого, кроме меня. Но Элара меня не слышала. Её затуманенный, угасающий взор был прикован к моим искусанным губам, обагрённым её же кровью. Я чувствовал, как каждая клеточка её тела кричит об одном — подойти ещё ближе, сдаться, раствориться во мне. Её плоть уже капитулировала, но сознание всё ещё отчаянно, из последних сил цеплялось за остатки своей придуманной чести. Всё её существо буквально разрывалось на части, а из-под закрытых век непрерывным потоком катились горькие слёзы.

В этот миг она казалась мне хрупкой, уязвимой до глубины души. Смотря на её дрожащие плечи, было трудно вспомнить, что она — дочь сурового генерала Дамиана Валеруса, выросшая в железных стенах военного дома. Я никогда прежде не видел её слёз. Никогда. И этот блеск влаги на её ресницах, отражающий пламя ламп, будил во мне опасного, голодного зверя.

И всё же, вглядываясь в её плачущее лицо, я разглядел то, что заставило мою издевательскую улыбку застыть и медленно сойти на нет. Безмолвную, но непоколебимую решимость. Элара скорее согласится умереть прямо здесь, захлебнувшись кровью, но не предаст себя.

В следующее мгновение, собрав какие-то нечеловеческие

крохи жизненных сил, она выхватила из своих растрепавшихся волос острую шпильку и с размаху занесла её над собственным левым плечом, собираясь отрезвить разум вспышкой чистой боли.

Дзинь!

Я среагировал быстрее, чем успел подумать. Перехватив её тонкую руку на лету, я выбил оружие — шпилька с металлическим звоном отлетела и покатила по каменному полу. В моей груди гроыхнуло что-то тяжёлое, дикое. В моей груди гроыхнуло что-то тяжёлое, дикое. Внутри меня в один тугий узел связались полярные, безумные вещи: чистая, убийственная ярость от её глупого упрямства и какое-то болезненное, маниакальное восхищение этой скрытой силой. Мои губы сами собой растянулись в хищном оскале, который я не в силах был сдержать.

Я железной хваткой зажал её тонкое запястье и резко, до упора прижал его к каменной стене над её головой.

— Моя госпожа всегда так дорожила своей жизнью, — выплюнул я, тяжело дыша. — Этот поступок — верховная глупость.

В этот момент я, должно быть, казался ей пугающим, чужим монстром. Её взор окончательно потерял фокус. Она замерла под моей рукой, как беззащитный цветок, безвольно трепещущий под ударами бури.

— Вейн... Вейн... — едва слышно прошептала она, утыкаясь лицом в мою шею.

В её голосе отчётливо зазвучали плаксивые, жалобные нотки. Она искала защиты у того, кто сам являлся для неё главной угрозой. Этот шёпот, похожий на капризную, отчаянную ласку, опалил мою кожу.

Я коротко цыкнул сквозь зубы, чувствуя, как контроль окончательно ускользает. На моём лице застыло абсолютно нечитаемое выражение. Окажись на её месте любой другой человек, посмей он хотя бы намекнуть на то, чтобы коснуться моей шеи или загнать меня в угол — его труп уже остывал бы на этих плитах. Но с ней я лишь медленно, почти лениво протянул свободную руку к абрикосово-белой шёлковой ленте, державшей её высокий пучок.

Одним плавным движением я потянул ткань на себя. Лента послушно скользнула в мою ладонь, и её длинные, тёмные волосы тяжёлым, роскошным водопадом рассыпались по плечам, струясь вдоль изгиба тонкой талии.

Элара судорожно цеплялась за мои плечи, её дыхание было частым и прерывистым. Она отрешённо, непонимающе наблюдала за тем, как я поднимаю эту ленту к своему лицу. Одним уверенным жестом я завязал шёлк на затылке, полностью перекрывая себе обзор и погружаясь во тьму.

— В «Обители Желаний» мне доводилось слышать, что женщине вовсе не обязательно терять невинность, чтобы получить избавление от этого недуга, — я туго затянул узел и повернул своё слепое лицо к ней. — Раз уж моя госпожа так печётся о своей чистоте, я завяжу себе глаза. Я не буду ни

слушать, ни смотреть, ни говорить. На это время я стану для вас лишь безмолвной вещью, дарующей тепло.

Ослеплённый её шёлковой лентой, я, должно быть, выглядел безупречно и беззащитно, но эта ткань не могла скрыть первобытное, дикое безумие, пульсирующее в моих венах. Я подался вперёд, безошибочно ориентируясь по звуку её лихорадочного дыхания, и едва слышно выдохнул ей в самые губы: — Пользуйтесь мной как пожелаете, моя госпожа.

И в этот самый миг я ощутил, как последняя струна её упрямого, ускользающего сознания с громким треском лопнула, отдавая её в мои руки.

Глава 3

Элара Валериус

В комнате воцарилась глубокая, звенящая тишина, прерываемая лишь моим слабым, прерывистым дыханием. На стене неровно подрагивал свет масляных ламп. Мои губы, искусанные в кровь во время приступа, горели, а ресницы слиплись от выступивших слёз. Вторая волна «Пыльцы Слепого Искушения» оказалась слишком мучительной. Этот яд выпил из меня все силы, заставив пережить ощущение, будто я один раз умерла и снова вернулась к жизни.

Каллум всё ещё сидел рядом со мной, его глаза по-прежнему закрывала абрикосово-белая шёлковая лента. Правда, теперь её узел съехал набок, и она держалась совсем слабо, готовая соскользнуть в любой момент. Его длинные, сильные пальцы лениво и плавно перебирали мои растрёпанные волосы. Это движение могло показаться попыткой утешить, а могло быть лишь праздной, скучающей игрой.

— Вам лучше, госпожа? — Каллум слегка наклонил голову в мою сторону.

На его красивых губах всё ещё алели следы моей крови, оставшиеся после того, как он силой заставил меня разомкнуть зубы. Эта яркая вспышка цвета на его обычно бледном, холодном лице выглядела пугающе красиво.

Я молча кивнула, с трудом садясь на кушетке, и принялась

разглаживать складки своего измятого подола. Дыхание всё ещё срывалось, выдавая бушевавший в душе хаос. Каллум вальяжно откинулся на спину, погружённый в свои мысли, и его изящные пальцы мерно постукивали по деревянному краю ложа. Интересно, о чём он думал? Неужели решил, что раз я использовала его как спасительное лекарство, то теперь сделаю вид, будто ничего не произошло, и прогоню прочь?

Прежде чем он успел озвучить свои циничные догадки, я протянула руку и одним мягким движением стянула ленту с его лица. В глаза Каллума хлынул резкий, ослепительный свет факелов.

Мои щёки всё ещё горели лихорадочным румянцем, но в сознание наконец вернулась былая ясность. Поджав губы, я долго и пристально всматривалась в его обнажившийся взор. Был ли это тот самый Каллум Рейн, Безумный Регент, которого в прошлой жизни все знали как безжалостное чудовище? Я на миг потеряла связь с реальностью. Тот факт, что он добровольно поступился своей гордостью и снизошёл до того, чтобы спасти меня от позорной смерти, казался чем-то невыносимым. В прошлой жизни я бы ни за что не посмела даже вообразить подобное.

— Моя госпожа снова планирует отблагодарить меня попыткой самоубийства? — Каллум лениво забрал шёлковую ленту из моих рук, и его голос прозвучал с хриплыми, вкрадчивыми нотками.

— Нет, — я качнула головой, окончательно возвращаясь в

реальный мир. Когда дыхание выровнялось, я заставила себя отвести взгляд от его покрасневших губ. Помолчав секунду, я тихо добавила: — Яд уже подействовал. Моя смерть сейчас ничего бы не изменила.

Каллум намотал шёлк на пальцы, и на его лице промелькнула едва заметная, горькая усмешка: — Моя госпожа ничего не потеряла, так что не стоит говорить об этом с такой трагичностью.

Я промолчала, лишь опустила влажные ресницы и принялась безмолвно расправлять складки на его собственной одежде, измятой моими судорожными пальцами. Небольшой участок его тёмного подола сильно промок, и я поймала себя на глупой мысли, удастся ли теперь полностью очистить ткань от этой грязи.

— Вейн — не инструмент, — мой голос прозвучал коротко и очень тихо. Я замерла, а затем медленно подняла глаза. Слово за словом, словно пытаюсь заглянуть за тот непроницаемый щит, которым он отгораживался от мира, я спокойно посмотрела в его бездонные, нечитаемые глаза: — У инструментов не бывает чувств.

Пальцы Каллума, игравшие с моими волосами, на долю секунды замерли.

Какая ирония. Несмотря на то, что это *меня* едва не уничтожила «Пыльца Слепого Искушения», моей первой реакцией после пробуждения не стали ни панический страх, ни брезгливое отторжение. Я вела себя слишком спокойно,

слишком привычно, будто для меня было обычным делом делить с кем-то подобные постыдные моменты уязвимости.

Насмешливая улыбка окончательно сошла с его губ. Каллум опустил взгляд, а затем вновь резко вскинул его, пропуская кончики моих прядей сквозь пальцы: — Моя оплошность. В следующий раз я буду гораздо внимательнее.

В следующий раз?

Значит, этот кошмарный дурман внутри меня проснётся снова?

Прежде чем я успела осознать весь ужас его слов, Каллум небрежно приподнял влажный край своего одеяния и леденящим, обманчиво равнодушным тоном спросил: — И всё же мне любопытно... какому ещё дикому мужчине моя госпожа раздавала подобные приказы?

Каждое моё мимолётное движение, каждый жест во время спасительной близости безошибочно били по его самым уязвимым точкам. Я вела себя так, словно знала всё о противоядиях и способах усмирения этого порочного жара.

Стоило Каллumu осознать это, как его минутное удовлетворение бесследно испарилось. Я кожей ощутила, как от него повеяло леденящим, подлинно убийственным намерением. Но я ни за что не посмела бы признаться, что тем самым «диким мужчиной», у которого я всему научилась, был он сам.

В своей прошлой жизни я преданно сопровождала Безумного Регента целых три года. Он был капризным, жестоким

господином, истязавшим мою душу своими бесконечными переменами настроения. Если бы я ещё тогда не научилась находить крохи горькой радости посреди этих изошрённых мучений, я бы давно умерла от отчаяния и тоски. Конечно, подобную правду я была обязана хранить за семью печатями. Каллум слишком умён: по одной единственной зацепке, по малейшему изъяну в моих словах он распутает всю паутину лжи, и я окажусь в ловушке.

Пытаясь спасти положение, я поспешно перевела тему. Оглядевшись по сторонам, я тихо спросила: — Где мы?

Прежде мой разум был слишком затуманен, и у меня не оставалось сил осматривать наше убежище. Теперь же, присмотревшись внимательнее, я поняла, что мы находимся в наглухо изолированной, герметичной комнате.

— В тайной канцелярии, — коротко бросил Каллум.

Я и сама видела, что это секретное помещение. Едва я открыла рот, собираясь расспросить его подробнее, как Каллум обманчиво мягко улыбнулся. В его глазах промелькнул опасный огонёк: — Моя госпожа умрёт, едва услышав честный ответ. Вы всё ещё хотите знать правду?

Поняв, что больше он не проронит ни слова, я неохотно умолкла.

— Но моя госпожа так и не ответила на мой прежний вопрос, — Каллум вернул меня к началу разговора. В его вкрадчивом тоне промелькнула едва заметная нотка ревнивой горечи, которую он, должно быть, и сам не заметил.

Видя, что пути к отступлению отрезаны, я прижала ладонь к гудящей, тяжёлой голове и попыталась уклониться от ответа: — Всё дело в проклятом дурмане... Из-за «Пыльцы Слепого Искушения» я совершенно не помню, что творила.

— Не помните? — с нажимом повторил Каллум, опасно придвигаясь ближе. — Желаете, чтобы я помог моей госпоже всё освежить в памяти?

— В этом нет необходимости! — поспешно воскликнула я. Этот разговор грозил стать бесконечным, поэтому, собрав остатки сил, я поднялась на ноги: — Уже слишком поздно. Мне пора возвращаться...

Однако моё тело после ядовитого приступа было слишком слабым и непослушным. Стоило мне выпрямиться, как колени подогнулись, и я беспомощно рухнула обратно — прямо на колени Каллума, инстинктивно ухватившись за его широкие плечи, чтобы удержать равновесие.

Мы оба одновременно издали глухой вздох от резкой боли и внезапно пронзившего тела онемения.

— К чему такая спешка, моя госпожа? — Каллум заметно помрачнел и застыл.

Его сильная ладонь властно и жёстко зафиксировала мою талию, бровь иронично приподнялась, а голос стал на порядок глубже и холенее. Я, словно ошпаренная, судорожно оттолкнула его грудь и резко вскочила на ноги. От неожиданности Каллум откинулся назад, опершись локтем о кушетку. На мгновение в комнате повисла оглушительная тишина, а

затем он вдруг залился громким, безудержным смехом.

Этот юношеский, дерзкий хохот делал его дьявольски красивое лицо невероятно притягательным — в этот миг он был похож на истинного демона, властвующего над ночной тьмой. Я совершенно не понимала, что смешного он нашёл в этой неловкой, постыдной ситуации. И куда только делось его обещание «ни слушать, ни смотреть, ни говорить»?

— Маленький безумец, прекрати смеяться! — с лёгким раздражением выдохнула я, но у меня банально не осталось сил, чтобы подойти и зажать ему рот ладонью.

Когда мы оба наконец немного пришли в себя, то покинули это зловещее убежище. У тайной комнаты наверняка имелся другой, потайной выход, ведущий в неизвестную часть замка, но Каллум не стал раскрывать своих карт и повёл меня обратно той же дорогой.

Секретный проход оказался узким, холодным и абсолютно тёмным. Зажжённый Каллумом факел едва разгонял мрак вокруг нас. Я растратила слишком много энергии во время приступа и теперь едва плелась, неуверенно опираясь о каменную кладку. Каллум же, напротив, шёл впереди уверенным шагом, словно двигался по абсолютно ровной дворцовой зале.

Этот длинный подземный коридор хранил слишком много опасных тайн. Мне отчаянно хотелось расспросить его, но, взвесив все «за» и «против», я предпочла промолчать. Такой человек, как Каллум Рейн, обладал параноидальной

бдительностью и беспощадностью. У него имелись жёсткие, нерушимые границы личных владений, куда он не прощал вмешательства. То, что он вообще впустил меня сюда, даровал убежище и спас от позора, уже было огромным, невероятным компромиссом с его стороны. Если я начну копать глубже, я просто перешагну черту, и он уничтожит меня.

— О чём задумалась моя госпожа? — среди этой сводящей с ума тишины леденящий голос Каллума, раздавшийся впереди, заставил меня вздрогнуть. — Размышляете о том, как убить меня, или пытаетесь запомнить этот проход?

Мои пальцы мелко задрожали, и я нерешительно подняла взгляд на его спину.

— Моей госпоже следовало прикончить меня, пока была возможность, — Каллум полуобернулся. Половина его лица тонула в густой тени, но та часть, что освещалась пламенем факела, казалась безупречно чёткой, аристократичной и хищной. Держа факел, он обманчиво мягко улыбнулся: — Теперь я знаю вашу тайну, осквернил вашу безупречную репутацию... Я воистину заслуживаю смерти.

— Моя репутация погибла в тот самый день, когда я разрушила помолвку с Наследным принцем в Дворце Непорочной Луны, — я упрямо прикусила губу и с трудом выдавила: — Замолчи, будь добр.

Каллум тихо хмыкнул, кажется, оставшись вполне удовлетворённым моим ответом.

Но когда он действительно замолчал, мне стало по-насто-

ящему жутко. Коридор казался бесконечным, удушающе тихим. Стоило Каллуму сделать шаг вперёд, как свет факела уносился за ним, а меня со всех сторон мгновенно сжимал леденящий мрак. Было ощущение, будто за моей спиной бесшумно крадётся огромный чёрный зверь, готовый вот-вот разинуть пасть и поглотить меня целиком.

Я с детства ненавидела замкнутую темноту. В моей прошлой жизни, уже после моей трагической гибели, Каллум поместил моё безжизненное тело в тесный, ледяной гроб из чистейшего льда, оставив мою душу неприкаянно скитаться по земле. Тот сковывающий, первобытный ужас погребения заживо я не смогу забыть до конца своих дней.

В тот момент, когда я в очередной раз споткнулась и едва не полетела на камни, Каллум впереди резко остановился. Когда я, шатаясь, доковыляла до стены рядом с ним, он вонзил факел в земляной пол и равнодушно произнёс: — Я вынесу мою госпожу на руках.

Я испуганно отшатнулась: — В этом нет необходимости.

Я ещё не полностью пришла в себя и панически боялась, что если он снова прижмёт меня к себе, то дурман внутри вспыхнет с новой силой, и мы вообще не выберемся из этого подземелья. Каллум внимательно, изучающе посмотрел на меня, а затем властно протянул ладонь: — Дайте мне руку.

Его ладонь была широкой, сильной, с точёными, длинными костяшками пальцев — рука, рождённая для того, чтобы безраздельно править и держать в узде всю Империю Осте-

рия. Но сейчас, помня о недавнем безумии на кушетке, я нерешительно замерла перед этой рукой.

Видя моё упрямое замешательство, Каллум издал едва слышный, недовольный смешок. Извлекая из кармана ту самую абрикосово-белую шёлковую ленту, он аккуратно обмотал её в два оборота вокруг моей ладони, а второй конец крепко зажал в своём кулаке.

Это было...

В моих глазах защищало от подступивших слёз. Это была моя лента. Буквально четверть часа назад шёлк закрывал ему глаза, пока я в беспамятстве, сгорая от жара, раз за разом целовала его искусанные, окровавленные губы.

— Держитесь, — коротко бросил он.

Удерживая в одной руке факел, а во второй — шёлковую ленту, Каллум уверенно повёл меня за собой сквозь мрак. И пусть его манеры оставались подчёркнуто холодными и отстранёнными, его шаг стал заметно медленнее, подстраиваясь под мою слабую походку.

Я неотрывно смотрела на его высокую, статную спину. Теперь, когда удушающий зной отступил, внутри меня воцарилась бесконечная, звенящая пустота. Я не могла сказать, что раскаиваюсь в содеянном, но на душу давила тяжёлая, непреодолимая меланхолия. Получив шанс прожить эту жизнь заново, я искренне верила, что у нас с Каллумом всё сложится иначе. Будет ли это холодное, взаимовыгодное сотрудничество или же мы просто разойдёмся, забыв друг о друге

на разных концах Остерии... Но мы точно не должны были повторять ошибки прошлого, так слепо и постыдно запутавшись в сетях судьбы.

Сегодня был Праздник Омовения Богини. Я так хотела показать Каллуму огни этого мира, подарить ему хотя бы каплю человеческого тепла и искренней доброты, но в итоге сама же всё разрушила.

Мы шли, казалось, целую вечность, пока впереди наконец не забрезжил слабый дневной свет, развеявший мои безрадостные думы. Когда мы толкнули тяжёлую дверь и вышли наружу, перед нами открылся вид на храмовый сад. Омытые недавним ливнем листья банановых деревьев горели сочной, неоновой зеленью.

Я аккуратно высвободила ладонь из шёлковых пут и тихо произнесла: — Спасибо.

Каллум привычным движением аккуратно свернул ленту и спрятал её в ладони. Сверху вниз он пристально посмотрел на моё бледное, измученное лицо: — Моя госпожа уже придумала оправдание для тех, кто ждёт снаружи?

— Да, — я сделала глубокий вдох, впуская в лёгкие прохладный, влажный воздух, и ко мне окончательно вернулось самообладание. — Идём.

У самого выхода из кельи обнаружился изящный бумажный зонт, оставленный кем-то из слуг. Я смутно помнила, что когда я только бежала сюда, никакого зонта здесь не было. Однако Каллум, похоже, сразу узнал эту вещь. Он

небрежно подхватил зонт, с глухим щелчком раскрыл его над головой и замер на каменных ступенях, дожидаясь меня.

Посреди этой весенней туманной дымки и морозящего дождя его фигура с раскрытым зонтом казалась невероятно высокой, величественной и одинокой. Он едва заметным кивком указал на свободное пространство рядом с собой.

Я взяла себя в руки и уверенно шагнула под зонт. Каллум молча перехватил трость зонта в другую руку, слегка наклоня её купол в мою сторону, полностью укрывая мои плечи от холодных капель.

***

Адриан Август

Выйдя на тропу перед монастырской кельей Храма Благовонных Теней, я наконец заметил Элару. Моё сердце, до этого сжимавшееся от глухой тревоги, облегчённо дрогнуло. Весь этот бесконечный, проклятый день я места себе не находил, разыскивая её по храмовым угольям после того, как она внезапно исчезла.

Я уже сделал шаг вперёд, готовый окликнуть её и броситься навстречу, но слова застряли у меня в горле. Рядом с ней стоял высокий юноша, небрежно удерживающий над их головами раскрытый бумажный зонт.

Этот парень был хорош собой, но от него веяло таким леденящим, первобытным холодом, будто передо мной застыл обнажённый клинок, готовый в любое мгновение пролить кровь. Что-то тёмное, едва уловимое в его осанке и манерах

заставило меня невольно замереть на месте.

— Господин, — мой слуга приподнялся на цыпочки, всматриваясь в туманную изморозь, и недовольно поморщился. — Разве это не тот самый бродяжка, который когда-то застрял вместе с леди Эларой на горном обрыве? Как только у генерала Дамиана Валериуса хватило духу оставить человека с таким грязным прошлым в своём поместье? Да он ещё и смеет стоять так близко к младшей госпоже!

— Следи за своим языком, — я резко оборвал его, даже не повернув головы. Мой взгляд был намертво прикован к двум фигурам под зонтом.

Но слуга не унимался, обиженно проворчав в ответ: — Ваш верный слуга думает лишь о вас, господин Адриан. Леди Элара совсем не держит вас в своём сердце, а вы всё равно продолжаете защищать её, несмотря ни на что...

— Замолчи, — мой голос редко опускался до столь угрожающего, леденящего тона. — Больше ты не посмеешь повторить эти слова ни одной живой душе.

Я ещё раз пристально посмотрел вглубь аллеи. Ткань купола зонта была заботливо наклонена в её сторону, укрывая хрупкие плечи от сырости. В моей душе поднялась горькая, удушливая волна — я не знал, где Элара пропадала большую часть этого дня, и, видя её сейчас рядом с этим пугающим юношей, должен был бы потребовать объяснений. Но я вовремя остановил себя. Разве имел я право судить её?

Главное — она была жива и невредима. Для меня этого

было более чем достаточно.

Развернувшись, я медленно пошёл прочь по размокшей дорожке храмового сада. У меня не было с собой зонта, и холодные, тяжёлые капли весеннего ливня мгновенно хлынули мне на лицо, смешиваясь с горькой, невидимой миру влагой в моих глазах, но я даже не ускорил шаг.

***

Элара Валериус

На тропе Каллум внезапно остановился, устремив тяжёлый, хищный взгляд вслед уходящему Адриану Августу.

Я тоже замедлила шаг, чувствуя, как внутри всё напряглось от его резкой перемены настроения.

— Что-то случилось? — тихо спросила я.

Каллум медленно перевёл взгляд на арку храмовой стены, за которой скрылся Адриан, и его губы изогнулись в холодной, насмешливой ухмылке: — Ничего особенного. Просто... глаза мозолит.

Когда мы наконец добрались до места, где нас ждала Марта, она была вне себя от тревоги. С того момента, как я покинула её, служанка явно не находила себе места, постоянно расспрашивая всех встречных о том, куда я могла исчезнуть.

— Я просто плохо себя чувствовала, поэтому зашла в уединённую келью, чтобы немного передохнуть, — у входа в Храм Благовонных Теней я прижала ладони к своим всё ещё пылающим щекам. Мне пришлось трижды повторить эту ложь, прежде чем Марта, пусть и с явным сомнением,

наконец успокоилась.

— Эй, Вейн Трой, — Марта, помогая мне подняться в карету, вдруг замерла. Её взгляд метнулся к рукаву Каллума, из которого выглядывал край белой ткани. Она не могла понять, бинт это или что-то иное, и с любопытством спросила: — Ты что, ранен?

Я проследила за её взглядом, и моё дыхание мгновенно сбилось. Сердце ухнуло в пятки: «Пыльца Слепого Искушения», которую я только-только придушила внутри себя, вновь отозвалась болезненным толчком.

Каллум не просто взял мою шёлковую ленту — он обмотал её вокруг своего запястья, как повязку, виток за витком, затянув безупречно элегантным узлом. Это был акт неприкрытого собственничества, от которого меня бросило в жар.

— Это? — Каллум, поймав мой ошарашенный взгляд, одарил меня своей самой лучезарной и пугающей улыбкой. Его мизинец игриво зацепился за край ленты, он медленно и чувственно потёр её, глядя прямо мне в глаза.

Убедившись, что мои глаза широко распахнуты от шока, он не спеша спрятал эту полоску белого шёлка обратно в рукав и демонстративно сцепил руки за спиной: — Мой маленький сувенир.

Марта, опуская занавеску кареты, проворчала себе под нос: — Какой странный человек. Пришёл в Храм Благовонных Теней не за предсказанием судьбы и не за защитным оберегом, а за такой безделицей...

Я сидела в полумраке кареты, молча поправляя причёску, и боялась даже дышать. Я лихорадочно думала, как скрыть от Марты отсутствие ленты. В этот миг я осознала горькую истину: мне никогда, ни при каких обстоятельствах не стоило провоцировать этого безумца. Моя жизнь, подобно хрупкому сосуду, теперь была связана с ним этой проклятой шёлковой нитью.

Глава 4

Даэн Рейн

Дворец Непорочной Луны.

За окном бесконечно тянулся унылый, холодный дождь. Я, раздражённый до предела, оттолкнул служанку, которая пыталась размять мне плечи, и вскочил с места, рывкнув: — Северус!

Из-за ширмы, шурша дорогими одеждами, немедленно выскользнул молодой евнух и, растягивая слова в подобострастном тоне, отозвался: — Ваш покорный слуга здесь, Ваше Высочество.

Я скривился, чувствуя, как внутри всё кипит от злости.

— Десять дней! Сколько ещё я должен оставаться взаперти, как прикованный зверь?!

— За последние дни несколько высокопоставленных чинов из Алой Канцелярии объединились и подали на Вас жалобу Его Императорскому Величеству, — Северус склонил голову, пряча глаза. — Всё из-за того инцидента на приёме в честь дня рождения принцессы Изабель. Император всё ещё в ярости. Императрица-мать настоятельно советовала Вам не покидать Дворец Непорочной Луны, чтобы не раздувать скандал.

— Но это было целую вечность назад! Почему эти упрямые старики из Алой Канцелярии до сих пор грызут мне

глотку?

— Императрица-мать пыталась замять дело, но, к несчастью, кто-то пустил слух в народе... — Северус бросил на меня быстрый взгляд и продолжил, понизив голос: — Поговаривают, будто Вы насильно принуждали благородных девиц, что Вы порочны и неспособны к управлению. Народный гнев закипает, и Алая Канцелярия использует это как оружие против Вас.

— Чушь! Кто распускает эту дрянь?!

Я в ярости сжал кулаки. Я даже не успел толком отведать «лакомства», а вонь от этой истории пошла на всю империю!

— Я — будущий Император Остерии! — прорычал я, не в силах сдержать раздражение. — Даже если я ошибся дверью, что за беда? Взять красавицу, когда охватила страсть — разве это преступление?

Северус едва заметно поклонился: — Его Величество в добром здравии. Кронпринцу стоит следить за тем, что он говорит.

Я фыркнул. Терпение лопнуло. Раз уж мне закрыт путь из дворца, разве я не могу приказать доставить сюда девиц для собственного удовольствия? Те, что уже томятся в гареме, мне до смерти надоели.

— А что там с помолвкой? Есть хоть какие-то подвижки по поводу выбора будущей Кронпринцессы?

— Императрица-мать обсуждала это, но у Генерала Дамиана Валериуса возникли огромные сомнения... И не только у

него! После того позорного случая в Храме Благовонных Теней ни одна уважающая себя семья не желает выдавать своих дочерей в ваш дворец!

— Да как они смеют! — я схватил со стола кубок и с силой запустил им в Северуса. Серебро с глухим стуком ударилось о его плечо, расплескав тёмные пятна вина на парадный наряд.

Евнух даже не моргнул. Он невозмутимо поправил одежду и проговорил: — Прошу Вас, Ваше Высочество, успокойтесь. Слухи в городе слишком подозрительно согласованы. Кто-то за кулисами дёргает за нити.

— Плевать мне, кто там возится в грязи! Нужно решить эту проблему немедленно! — я тяжело рухнул в кресло, тяжело дыша и сжимая пальцы в кулаки. — А Генерал Дамиан... этот старый, несносный костяк, который я никак не могу сломать. Я не приму такого поражения!

Теперь, когда моё доверие при дворе пошатнулось, у меня почти не осталось верных людей. А единственный, кто был рядом — Северус — был ставленником Императрицы-матери. Хотя она и была моей матерью, она днями напролёт сидела перед статуей Эларии, и её истинные мысли были темнее, чем глубина Бездны...

Мне нужно было любой ценой принудить род Валериусов склониться предо мной.

Словно прочитав мои мысли, Северус тихо проронил: — До меня дошли вести, что в четырёх округах графства Тан-

марк ураган разрушил поселения. Двор планирует выделить туда солидную сумму на восстановление.

Я закатил глаза: — Зачем ты мне об этом говоришь? У меня нет сил вникать в государственные дела...

И тут меня осенило. В голове вспыхнула догадка, и я замер.

— Я понял.

Я хищно прищурился, чувствуя, как в груди разгорается предвкушение, и жестом подозвал Северуса ближе.

Прошептав евноху свой план на ухо, я прошипел: — Ты всё понял?

Северус опустил глаза, скрывая презрение, и кивнул: — Ваше Высочество, я приступлю немедленно.

Я откинулся на спинку кресла, криво ухмыляясь. Если этот замысел удастся, я не только приберу к рукам Генерала Дамиана Валериуса, но и заставлю обеих его дочерей приползти в мой дворец и молить о пощаде. При одной мысли о той девчонке из рода Валериусов, вкус которой я так и не успел распробовать, низ живота опалило предвкушающим жаром.

— Постой, — окликнул я его, когда он уже собрался уходить. — А что с той самозванкой, что сбила меня с толку? Той, из семейства Торн... Привези её во дворец.

Северус замялся: — Эта девица вызывает лишь гнев принцессы Изабель. Её добродетель под сомнением, она недостойна быть официальной наложницей.

— Тогда сделай её последней служанкой. В конце концов, она — лишь пустая подделка, стодится для развлечения, — я нетерпеливо щёлкнул языком. Как только я захопчу настоящий приз из рода Валериусов, эта кукла мне больше не понадобится.

В этот миг яркая молния разорвала ночное небо, озарив башни и дворцы столицы мертвенно-белым светом. Налетел резкий порыв ветра, предвещающая новый, ещё более яростный поток ливня.

***

Элара Валериус

Ранним утром небо очистилось, явив миру безупречную лазурь. Лужи на каменных ступенях нашего поместья дрожали, отражая силуэты вековых деревьев и лениво плывущие облака.

Я отрешённо сидела перед туалетным столиком. Марта, стоявшая позади и бережно расчёсывавшая мои волосы, вдруг с улыбкой заметила: — Госпожа, ваша слуга не могла не заметить, что в последнее время вы прямо-таки расцвели. Кожа сделалась такой чистой, светлой и нежной, точно лепестки дикой вишни в садах Остерхольда.

Она произнесла это без всякого умысла, но моё сердце испуганно пропустило удар.

Перед глазами тут же вспыхнули вчерашние сцены в потайной комнате Храма Благовонных Теней. Обрывки безумных, порочных воспоминаний хлынули неудержимым пото-

ком, заставив мои щёки болезненно вспыхнуть.

В те долгие три года, что я провела пленницей в Регентском Дворце в своей прошлой жизни, всё было иначе. Тогда я изо всех сил пыталась угодить Каллуму Рейну, а он лишь снисходительно принимал мою покорность. Изредка, пребывая в добром расположении духа, он терпеливо дразнил меня, пока краска стыда не заливала моё лицо. Но то, что случилось вчера... было совершенно другим.

В чём же крылось отличие? Я не могла облечь это в слова.

Я знала лишь одно: когда мы вчера возвращались по длинной тропе, я физически не могла заставить себя взглянуть на потемневший, влажный подол его чёрного плаща. К счастью, ливень разыгрался вовремя — косые струи воды насквозь промочили нашу одежду, избавив нас от любых подозрений со стороны слуг.

Каллум предупредил, что эта ядовитая «Пыльца Слепого Искушения» вспыхнет во мне ещё раз. Первые два приступа едва не стоили мне жизни. Каким окажется третий? Неужели мне снова придётся самой искать встречи с ним и бросаться в его опасные объятия?

Пробыв запертой в золотой клетке птицей целых три года в прошлой жизни, теперь я отчаянно дорожила своей свободой. И дело было вовсе не в предрассудках светского общества Остерии. Я просто категорически отказывалась безвольно подчиниться действию яда и повторить свой прежний, полный унижений путь. В прошлой жизни я торговала

своей красотой из чистой необходимости, чтобы спасти семью. Но в этой жизни... кем мы стали друг для друга в этой туманной, двусмысленной близости?

Оборвав тяжёлые мысли, я строго произнесла: — Марта, пойди и приготовь для меня отвары, которые снимают жар, выводят сырость и очищают кровь от токсинов. Чем больше, тем лучше.

Марта застыла с гребнем в руках и удивлённо захлопала ресницами: — Госпожа, вы неважно себя чувствуете? Любое лекарство — это тоже своего рода яд, нельзя пить его без разбора.

— Погода в столице стоит душная, и у меня на душе беспокойно. Мне нужно остудить кровь, — поспешно соткала я ложь. Я не знала истинного противоядия, но любое средство казалось лучше бездействия.

Служанка отложила гребень и ушла, но вернулась быстрее, чем успела бы остыть чашка чая.

— Госпожа, приехала младшая госпожа из семейства Торн. Умоляет о встрече.

Марта замялась, ожидая распоряжений: — Старшая госпожа Валерия преградила ей путь у самых ворот. Она интересуется: связать ли её и заставить на коленях просить у вас прощения или сразу содрать с неё шкуру живьём?

Лиана Торн?

Мой взгляд мгновенно похолодел. Я ещё не успела нанести ответный удар, а эта гадина сама приползла к моему по-

рогу.

У главного входа на ступенях грозно восседала моя сестра, вонзив обнажённый клинок прямо в землю перед собой. За её спиной застыли два ряда гвардейцев: одни держали руки на эфесах мечей, другие перебирали в руках толстые верёвки. Лиана Торн, до смерти перепуганная этим зрелищем, смертельно побледнела и выглядела хрупкой, как надломленный тростник. Стоило мне показаться, как её глаза вспыхнули надеждой, и она жалобно пролепетала: — Кузина Элара...

Меня буквально затошнило от этого притворного, приторного голоса.

— Элли, зачем ты вышла? — Валерия тут же поднялась и заслонила меня своим плечом, холодно бросив в сторону гостью: — Тебе незачем пачкать об неё глаза. Я сама с ней разберусь.

— Сестра, подожди. У меня есть к ней пара вопросов, — спокойно ответила я.

Мы прошли в садовый павильон у воды. Я царственно опустилась на каменную скамью, даже не подумав предложить Лиане сесть. Она неловко замерла в стороне, комкая пальцы: — Кузина Элара, я знаю, что между нами возникло ужасное недоразумение...

— Недоразумение? — я смерила её ледяным взглядом. — Во время весенней охоты лошади всех благородных домов были отравлены и взбесились. И только ты со своим братом

Варкасом, так жаждавшие победы, чудесным образом не пострадали. Это тоже недоразумение?

Лиана открыла было рот, чтобы оправдаться, но я отсекала любую попытку: — На приёме в честь дня рождения принцессы Изабель, несмотря на всю мою осторожность, я всё равно потеряла сознание и очнулась в руках Варкаса Торна. И это ты тоже назовёшь случайностью?

— Это всё дворцовая служанка! Она перепутала нас и вывела тебя из поместья принцессы! Я к этому непричастна! — из глаз Лианы брызнули слёзы. — В итоге я сама пострадала вместо тебя... Кронпринц Даэн сотворил со мной... Я ведь тоже жертва! Как ты можешь винить меня, кузина?

Слушая, как виртуозно она искажает истину, я едва не рассмеялась вслух от презрения. Я искренне не понимала, как в своей прошлой жизни я могла быть настолько слепой, чтобы считать это ядовитое, двуличное существо своей подругой.

— Ты прекрасно знаешь, что я люблю блюда с жгучим перцем. И ты отлично знала, что на том пиру единственным человеком, от которого я бы не ждала подвоха, был Адриан Август. В тот день во дворце принцессы я видела, как ты непринуждённо и долго беседовала с ним.

Я медленно поднялась, возвышаясь над ней, и заглянула в её полные страха глаза: — Мне сказать яснее? Маринованные сливы с солью и перцем, которые Адриан всегда носит с собой, были подменены тобой именно во время той беседы,

верно?

Лиана судорожно затеребила кружевной платок, и на её лице отразился неподдельный ужас пойманного вора. Моя догадка подтвердилась.

После возвращения из дворца принцессы Изабель я долго анализировала случившееся. Принцесса Изабель была искренне взбешена бесчинством Кронпринца в Храме, а значит, она ничего не знала о планах Даэна и не могла подсыпать мне яд в еду. Единственными, кто имел мотив и возможность действовать, было семейство Торн. На банкете я не прикасалась ни к чему подозрительному, за исключением тех двух слив, которые Адриан заботливо опустил в мой бокал. Теперь пазл сложился: Лиана специально отвлекала Адриана разговорами, пока её сообщники подменяли его припасы.

Точно так же, как и в прошлой жизни...

На том злосчастном празднике принцессы я почувствовала тот же едва уловимый аромат чая, который когда-то пила в поместье барона Торна в своей прошлой жизни. Мой дядя тогда уже выслуживался перед будущим Безумным Регентом, поставляя ему красивых женщин ради поста министра по налогам и сборам. Семейство Торн утопало в роскоши, так зачем им было угощать меня старым, залежалым чаем четырёхлетней давности? Ответ был прост и страшен: этот резкий аромат идеально маскировал горький привкус редкого яда.

Я горько, самокритично усмехнулась. Как же глупо я вела себя в прошлой жизни! всю жизнь я панически боялась Каллума, видя в нём единственное чудовище, а в итоге получила удар в спину от тех, кого считала мягкими, беззащитными «благодетелями». Если за всем этим действительно стоял дом Торнов, я сотру их в порошок!

Лиана, внимательно ловившая каждое изменение на моём лице, в панике запричитала: — Это всё Варкас! Это он всё устроил! Я думала, он просто хочет проучить тебя, я не знала о его грязных намерениях...

Видя мою ледяную, безжалостную улыбку, Лиана опустила голову, и её слёзы закапали на мраморный пол: — Я знаю, ты мне не веришь. Но меня уже назначили младшей наложницей во Дворец Непорочной Луны. Через два дня я навсегда исчезну за дворцовыми стенами и больше никогда не встану у тебя на пути...

При упоминании своего унижительного статуса «служанки-наложницы» в глазах Лианы на миг блеснула дикая, удушливая злоба. Она сорвалась на хриплый шёпот: — Я пришла сюда не за прощением. Я лишь хочу знать перед тем, как меня запрут в этой золотой тюрьме... Варкас Торн... Как именно он умер?

Даже стоя на краю пропасти, она пыталась выведать правду.

Я посмотрела на неё свысока и равнодушно обронила: — Если он не покончил с собой от грызущей вины, то почему

бы тебе самой не спросить его об этом, кузина? На том свете.

Лиана в ужасе затрепетала. Варкас мёртв, а мои слова «спроси его сама» прозвучали как смертный приговор. Я видела, что Лиана понимает, что перед ней стоит совершенно другая Элара — холодная, пронизательная, недостижимая, не та наивная, доверчивая дурочка, которую так легко было обвести вокруг пальца.

Пока она пребывала в ступоре, откуда-то из-за деревьев с тихим свистом прилетел мелкий камень и наотмашь ударил Лиану по лицу.

Она пронзительно взвизгнула, схватившись за окровавленную щеку, и отшатнулась. Следом прилетел второй камень, попав ей по руке. Забыв о своей напускной немощности, Лиана с позором бросилась вон из павильона.

Глядя ей вслед, я почувствовала, как тяжёлая, мрачная туча, терзавшая мою душу с самого утра, наконец рассеялась. На губах заиграла искренняя улыбка.

Спустя мгновение я повернулась в сторону декоративной каменной горки: — Вейн, ты что, ребёнок?

Только один человек в этом мире мог вести себя столь эксцентрично, дерзко и непредсказуемо.

Из-за валунов медленно показался Каллум в чёрных одеждах. Он небрежно шёл по деревянному настилу мостика, поигрывая оставшимися камешками на ладони. Влажный после дождя ветер мягко шевелил его иссиня-чёрные волосы, зачёсанные за уши. Каллум лениво прищурился: — Мне

не нравится её лицо. Было бы лучше, если бы на нём красовался уродливый шрам.

Я замерла, поражённая словно громом. Насильно подавленные воспоминания о прошлом с новой силой запульсировали в висках. В прошлой жизни, когда Каллум Рейн безжалостно изуродовал лицо Лианы Торн... неужели он сделал это не из прихоти тирана? Не потому, что презирал её, а потому, что не мог вынести, что эта тварь смеет носить черты лица, отдалённо напоминающие мои?

— О чём это так глубоко задумалась моя госпожа? — Каллум уже вошёл в павильон и теперь пристально, изучающе вглядывался в моё лицо.

Мои губы дрогнули, и я тихо рассмеялась.

Это был чистый, открытый и полный самоиронии смех. Каллум, зажав камешек между пальцами, замороженно следил за мной своими бездонными, тёмными глазами, пока я ладонью вытирала выступившие от смеха слёзы.

— Я просто подумала о том, какой же непроходимой дурой я была раньше, — я опустила обратно на каменную скамью и подпёрла подбородок рукой.

Каллум долго смотрел на меня, словно взвешивая мои слова, и наконец едва заметно кивнул: — Действительно, на редкость были глупой. Вам следовало лично перерезать той девке глотку.

Он оставался верен себе: если он кого-то не убивал, значит, как раз шёл это сделать. Но, к моему собственному

му удивлению, его кровожадность больше не внушала мне прежнего животного страха.

Я покачала головой и, подняв на него глаза, произнесла тихо, но твёрдо: — Смерть — это слишком лёгкое наказание. Я хочу гораздо большего.

Я хотела встать плечом к плечу с этим прекрасным безумцем и вместе уничтожить и дом Торнов, и весь этот прогнивший Дворец Непорочной Луны.

— Почему госпожа так смотрит на меня? — Каллум открыто встретил мой взгляд, а его губы тронула едва заметная, дразнящая усмешка.

В моей голове шёл тектонический сдвиг: прошлое и настоящее сталкивались, а укоренившиеся страхи рушились и переплавлялись во что-то совершенно новое.

— Вейн Трой, когда-то я очень, очень сильно боялась одного человека, — я опустила ресницы и мягко улыбнулась. — Но теперь мне кажется... я начинаю его понимать.

Камешек выскользнул из его пальцев и с сухим стуком покатился по полу. Каллум опасно выгнул бровь.

— Того дикаря? — его глаза сузились, превратившись в два озера из чёрного льда.

— Что? — я не сразу поняла, к чему он клонит.

Каллум процедил сквозь зубы с леденящей ревностью: — Того самого дикаря, которого госпожа сначала боялась, а теперь «понимает»... Не тот ли это подлец, что обучил мою госпожу искусству ублажения собственного тела втайне от

всех....?

Прежде чем он успел договорить эту невыносимую пошлость, я вскочила и яростно зажала ладонью его нечестивый рот.

— Какую чепуху ты несёшь?!

Я тут со всей серьёзностью размышляю о том, как помочь ему вернуть законный трон и сокрушить Кронпринца, а этот безумец заиклен исключительно на своей безумной, собственнической ревности к выдуманному сопернику!

Каллум, чей рот оставался плотно закрыт моей ладонью, невинно захлопал глазами. А затем его губы приоткрылись, и он слегка, ощутимо прикусил зубами мою мягкую кожу в наказание. От этого укуса, одновременно болезненного и щекотного, меня прошиб разряд тока. Я резко отдёрнула руку и сердито зыркнула на него.

— На, поешь личи. Их прислали из императорского дворца.

Поскольку в павильоне никого не было, я пододвинула к нему хрустальное блюдо с фруктами, лежавшее на столе, лишь бы заткнуть его кусачий рот. Только сделав это, я испугалась, вспомнив, что у Каллума вряд ли есть приятные воспоминания об императорской семье.

Однако его лицо осталось бесстрастным. Он элегантно взял шёлковый платок со служебного подноса, тщательно вытер пальцы и лишь после этого потянулся за плодом.

Когда он поднял руку, широкий рукав скользнул вниз, и я

обомлела: на его левом запястье всё ещё была повязана моя абрикосово-белая шёлковая лента.

— Почему ты до сих пор носишь её? Ну-ка верни! — потребовала я, протягивая руку.

Но Каллум ловко увёл руку назад. Опершись спиной о колонну павильона, он принялся неторопливо очищать личи от кожуры, протянув с ленивой грацией: — Вчера госпожа насквозь промочила мою одежду в Храме. Считайте эту ленту скромной компенсацией за мои неудобства.

Договорив, он зажал своими длинными, аристократичными пальцами полупрозрачную, сочную мякоть плода, намеренно сдавил её, заставив сок брызнуть на пальцы, и только потом отправил в рот. Каллум сладострастно зажмурился, слизывая сладкие капли.

Лёгкий весенний ветерок рябил воду в пруду, но он был не в силах остудить пылающий пожар на моих щёках.

Поняв, что проигрываю этот безмолвный поединок, я отвернулась и раздражённо спросила: — Ты ведь пришёл ко мне по делу. Выкладывай, что у тебя?

Каллум выудил из-за пазухи изящную парчовую коробочку и аккуратно опустил её на каменный стол прямо передо мной. Его пальцы, всё ещё влажные от сладкого сока, многозначительно постучали по крышке, призывая открыть подарок.

— Что это? — я с любопытством взглянула на него.

Открыв коробочку, я обнаружила внутри роскошное пе-

ро для письма, покоящееся на подушечке из тёмного бархата. Его наконечник был выкован из матового обсидианового сплава, а само основание — выточено из редкой кости и покрыто багряным лаком с едва заметным, изящным узором из цветов дикой сливы. Тонкие резные линии обвивали рукоять, но по некоторым шероховатостям и едва заметным срезам было видно, что работу выполнял вовсе не придворный ювелир, а новичок, чьи руки ещё не привыкли к столь тонкому ремеслу. Само же опахало пера было соткано из глубоких, иссиня-чёрных перьев, которые переливались на свету колдовским блеском.

Каллум завёл руки за спину, неторопливо перекатывая сочную мякоть личи за щекой: — Я помню, что когда-то случайно сломал любимое перо госпожи. И я обещал, что подарю вам взамен то, что будет в сто крат лучше.

— Ты сделал его сам? — я изо всех сил пыталась сдерживать улыбку, готовую сорваться с губ. Одной рукой я подпёрла подбородок, а кончиками пальцев другой руки осторожно провела по пушистому чернильному пучку на самом кончике пера, слегка сжав его.

Этот маленький распределитель чернил, венчающий обсидиановое остриё, был антрацитово-чёрным, упругим и невероятно шелковистым. Это было непохоже ни на жёсткий ворс горного волка, ни на мех благородной овцы — волоски обладали каким-то необъяснимым, прохладным и гладким изяществом.

— Из чего сделан этот пучок? — полюбопытствовала я, поднимая на него глаза.

— Из волос, — невозмутимо отчеканил Каллум.

Мне показалось, что я ослышалась: — Что?

— Из моих собственных волос, — Каллум медленно поднял свои бездонные, пленительные глаза, и в их глубине вспыхнул опасный, фанатичный огонёк. — Разве госпоже так сильно не нравились мои волосы? Я отрезал две пяди, отобрал самые шелковистые, тонкие кончики, вымочил их в специальном составе для упругости и закрепил у основания пера. У меня ушла целая ночь только на то, чтобы отсортировать их один к одному.

***

Каллум Рейн

Налетел резкий порыв ветра, заставив медные колокольчики, подвешенные к карнизам садового павильона, испустить жалобный, тревожный звон.

Я лениво крутил между пальцами гладкую косточку от съеденного личи, не сводя пристального взгляда с Эллары. Моя маленькая госпожа застыла, растерянно сжимая в ладони подарок, и на её фарфоровом лице отразилось целое смятение чувств. Я изогнул бровь, наклонив голову набок, и тихо спросил: — Что такое? Моей госпоже не нравится?

Разве здесь могло идти речь о банальном «нравится» или «не нравится»? Любому человеку в Остерии, получившему в дар изящное перо, чей пишущий пучок был собран из на-

стоящих человеческих волос, потребовалось бы время, чтобы прийти в себя.

— Дело вовсе не в этом, — Элара бережно провела подушечками пальцев по багряной лакированной рукояти, и её безупречно белая кожа контрастировала с кровавым узором дикой сливы. Она подняла на меня свои ясные глаза, в которых сквозило мягкое укорительное лукавство: — А что, если в следующий раз я вздумаю похвалить твои прекрасные глаза?

В её голосе послышался страх, смешанный с нежностью, но для меня это была лишь чистая, незамутнённая истина. Я задумался над её словами со всей серьёзностью, смакуя каждую деталь, и неторопливо ответил: — Если госпоже они так удобны, я могу выколоть свои глазные яблоки и преподнести их вам на этом шёлковом платке. В этом нет ничего невозможного.

Я подался вперёд, ловя её испуганный выдох, и добавил с едва заметной улыбкой: — Однако моя госпожа так добросердечна. С чужими глазами слишком много хлопот, они быстро теряют блеск, а я бы не хотел напрасно пугать вас.

— В этом нет ни малейшей необходимости! — поспешно перебила она меня, пытаясь остановить этот опасный, балансирующий на грани безумия разговор. — Волосы после стрижки могут отрасти вновь, но если лишиться глаз или конечностей, это останется уродством на всю жизнь. Любые части человеческого тела выглядят по-настоящему прекрасно

лишь тогда, когда человек ещё жив...

Слушая её торопливые, наивные рассуждения, я не выдержал и тихо, хрипло рассмеялся. Звук моего собственного смеха показался мне чужим в этой звенящей тишине павильона. — О, так, значит, моя госпожа предпочитает использовать именно живое тело?

Похоже, по моей вине слово «использовать» приобрело для неё слишком интимный, двусмысленный оттенок. Стоило ему сорваться с моих губ, как её щёки мгновенно залил густой, очаровательный румянец, напомнивший мне рассвет над горой Парящих Облаков.

Элара нахмурилась, глядя на меня с лёгкой, беспомощной укоризной: — Я имею в виду, что ты должен беречь себя. Своё собственное тело.

На этот раз у меня не нашлось сил для колкостей. Весь мой напускной цинизм испарился, стоило мне взглянуть на её трепещущие ресницы. Я смотрел на неё очень долго, заворожённый этой странной, идущей из самого сердца заботой, которой я никогда в жизни не знал. Принял ли я её слова всерьёз? Моё израненное, тёмное сердце впервые затрепетало от странного тепла.

После долгого, наполненного скрытым напряжением молчания, я опустил руку и тихо проговорил: — Напишет ли госпожа для меня что-нибудь этим пером прямо сейчас?

***

Элара Валериус

Было в этом жесте нечто странное, заставлявшее моё сердце трепетать от необъяснимой робости. Мысль о том, чтобы окунуть это перо, к вершине которого были сотканы и привязаны шёлковые, любовно собранные пряди волос Каллума, в густые чёрные чернила, казалась почти кощунственной.

Сделав глубокий вдох, я попыталась вернуть себе прежнее хладнокровие. Рукоять пера была выточена из редкой кости и покрыта багряным лаком с едва заметным, изящным узором из цветов дикой сливы. Я аккуратно опустила обсидиановое остриё в чернильницу, подготавливая всё необходимое для письма.

— И что же ты хочешь, чтобы я написала? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно ровнее.

Каллум заложил правую руку за спину. Его левая рука, всё ещё обёрнутая моей абрикосово-белой шёлковой лентой, мерно и неторопливо двигалась, помогая мне растереть плотный брусок сухих чернил. В его тёмных, бездонных глазах промелькнуло лукавое, колдовское пламя. Очевидно, вспомнив наши вчерашние бесстыдные безумства в тайной комнате храма, он вкрадчиво, бархатным шёпотом произнёс: — «Багрянец сочный на щеках, как спелый плод, и мускуса пьянящий аромат...»

Моя рука дрогнула. Низ пера замер, оставив на белоснежной пергаментной бумаге жирную, некрасивую кляксу с длинным чернильным хвостом.

Щёки обожгло нестерпимым жаром, но я поспешно взя-

ла себя в руки. Смерив этого невыносимого человека строгим взглядом, я попыталась сделать вид, будто совершенно не поняла его явного, порочного намёка: — У этого пера великолепная, чуткая упругость. Его ход идеален для размашистого, стремительного и свободного слога, но оно совершенно не подходит для столь... фривольных и легкомысленных строк.

Я демонстративно проигнорировала его скрытую насмешку. Слегка повернув лакированную костяную рукоять в пальцах, я уверенно вывела на новом листе мудрое изречение из древнего Кодекса Судеб Остерии: *«Благородный муж сокрывает свои великие таланты глубоко внутри, безмолвно выжидая предначертанного часа, дабы явить их миру».*

***

Каллум Рейн

«Благородный муж».... Древние манускрипты толковали это двояко: как человека безупречной, высшей добродетели и как законного наследника престола, вынужденного таиться в тени. Каким бы пронизательным я себя ни считал, в тот миг я искренне не мог разгадать, какую именно суть моя маленькая госпожа вложила в эти строки. Была ли это тонкая издёвка над моим далеко не святым нравом, или же она заглянула глубже, узрев во мне истинного принца Остерии?

Моя ладонь, сжимающая чернильный брусок, невольно замедлила свой бег. На губах заиграла двусмысленная, едва уловимая усмешка: — Моя госпожа слишком высокого мне-

ния обо мне.

— Моё чутьё меня никогда не подводит. Я редко ошибаюсь в людях, — Элара склонила голову, осторожно поддула на свежие чернила, высушивая их, и протянула пергамент мне. На её лице расцвела чистая, обезоруживающе искренняя улыбка: — Спасибо за подарок. Это перо пишет просто великолепно.

Я опустил взор. Медленно подняв руку, я перехватил другой край плотного листа.

Эти размашистые, дерзкие и свободные мазки, выведенные её рукой, казалось, мгновенно запечатлелись на самой сетчатке моих глаз, выжигая там свой след.

Лёгкий весенний ветер вновь скользнул по павильону, пуская мелкую рябь по воде пруда и заставляя шелестеть молодые листья ив.

Внезапно, боковым зрением я уловил мимолётное движение возле лунных ворот за декоративной каменной горкой — там, среди зелени, на мгновение мелькнул подол чьих-то простых, неброских одежд. За нами следили.

***

Лиана Торн

Я не ушла. Сгорая от удушливой ненависти, я украдкой вернулась к садовому павильону. Моим единственным намерением было выведать, как действует «Пыльца Слепого Искушения», терзающая Элару, но судьба подбросила мне куда более грязное и упоительное зрелище.

Сквозь резную листву я видела всё. Когда этот черно-книжник в угольно-чёрных одеждах слегка повернул голову в мою сторону, его леденящий, хищный взор едва не лишил меня чувств. Сердце испуганной птицей забилося о рёбра, и я, охваченная паническим ужасом, бросилась прочь.

Только оказавшись за боковыми воротами Генеральского Поместья, я наконец остановилась, тяжело дыша и содрогаюсь всем телом. Но как только утих первый испуг, из самых тёмных глубин моей души хлынула ядовитая, уродливая зависть.

Тот юноша в павильоне был наполовину скрыт каменной колонной, и я не смогла разглядеть его лица. Судя по неброской одежде, он был всего лишь жалким слугой или гвардейцем, и всё же каждое движение Элары, каждая её улыбка и капризно нахмуренные брови выдавали глубокое, порочное доверие. Между ними не было и следа той благопристойной дистанции, которую обязана соблюдать благородная леди!

В памяти мгновенно всплыли циничные рассказы Варкаса о том, какие кошмарные, сладострастные мучения вызывает «Пыльца Слепого Искушения»...

Я бережно коснулась ладонью своего израненного, горящего лица, и в груди расцвела тёмная, злорадная радость. Элара Валериус отравлена. Она больше не может быть чистой и непорочной. Так чем же эта хвалёная, высокомерная девка теперь лучше меня? Почему Адриан, великолепный сын канцлера, готов принять её, но даже не смотрит в мою

сторону?

Три года назад, когда я впервые пришла в дом Валериусов на праздничный пир и увидела благородного, сияющего Адриана Августа, моё сердце навеки оказалось в плену. Но я знала, что мой отец — лишь безвестный, мелкий чиновник. Наша семья была ничтожной, у меня не было влиятельных братьев, способных возвысить меня, и мне приходилось хоронить свои чувства глубоко в грязи обид.

Но день за днём эта любовь гнила, раздуваясь от ежечасной зависти и осознания собственного ничтожества, пока окончательно не превратила меня в чудовище.

И вот теперь маски сброшены! То, что я потеряла невинность с Кронпринцем Даэном — это величайшая милость и знак грядущего величия. А вот то, что безупречная Элара тайно отдаётся безродному лакею — это несмыываемый, позорный грех!

Я судорожно сжала пальцы в кулак, и в моих глазах вспыхнул безумный огонёк: — Елена, мы немедленно идём к поместью Августов.

— Госпожа, вы всё ещё не оставили эту затею? — служанка посмотрела на меня с неприкрытой тревогой и неодобрением. — Молодой господин Адриан не примет вас. Вы ведь уже пытались придти, но вас даже на порог не пустили. К тому же через два дня вы станете наложницей во Дворце Непорочной Луны, ему следует ещё пуще прежнего избегать любых слухов.

— Замолчи! — резко оборвала я её, чувствуя, как ногти вонзаются в ладони. — Тогда разужнай, когда именно господин Адриан покинет сегодня свой дом. Я буду караулить его на улице.

Видя, что девка колеблется, я яростно толкнула её в плечо, прошипев сквозь зубы: — После завтрашнего дня у меня больше не будет шанса! Пошевеливайся, глупая тварь!

Чего бы мне это ни стоило, какими бы грязными путями ни пришлось пойти, я обязана лично рассказать Адриану о том, какое падение совершила его ненаглядная Элара. Я собственными руками уничтожу любую его надежду на брак с этой шлюхой. Если я обречена гнить в золотой клетке дворца, то я заберу её счастье с собой в преисподнюю!

Глава 5

Элара Валериус

В боковых покоях над резной курильницей в форме дикого зверя вился сизый, горьковатый дым.

Я бережно омыла обсидиановое остриё своего нового пера, очищая его от остатков тёмных чернил, аккуратно промокнула мягкой хлопковой тканью и уложила на костяную подставку, чтобы дать ему высохнуть. Мои пальцы медленно скользили по багряным лакированным узорам цветов дикой сливы, вырезанным на рукояти, и я ловила себя на том, что беспомощно улыбаюсь. Задумки моего безумца по-прежнему оставались за гранью человеческого понимания.

В Остерии свято верили, что плоть, кровь и волосы — это бесценные дары, полученные нами от родителей. Лишь влюблённые, сгорающие от страсти в свою первую брачную ночь, добровольно срезали по локону волос, переплетая их в знак вечной верности до гробовой доски. Но как Каллуму вообще пришло в голову украсить вершину пишущего пера собственными прядями?

Я всё ещё тихо улыбалась своим мыслям, когда тяжёлая дубовая дверь с грохотом распахнулась. В комнату стремительно вошла моя сестра Валерия, и я поспешно отдернула руку от подарка.

Валерия не заметила моего секундного замешательства.

Она привычным, небрежным жестом бросила свой тяжёлый меч на дубовый стол и принялась устало разминать затекшую шею.

— Только что видела, как эта дрянь Лиана Торн кралась к боковым воротам нашего поместья, будто воровка. Она успела что-нибудь сделать тебе, Элли?

— Лиана? — я удивлённо приподняла брови. Разве она не должна была покинуть наш дом ещё несколько часов назад?

Поняв, к чему клонит сестра, я лишь пренебрежительно фыркнула. В груди шевельнулась холодная гордость.

— Это не имеет значения.

То, что она считает моим уязвимым местом и рычагом давления — всего лишь пустые слухи о потерянной репутации. Ей не под силу причинить мне даже малейший вред.

Только те, чьи собственные мысли погрязли в грязи и пороке, способны видеть вокруг себя лишь одну грязь.

Но стоило мне об этом подумать, как со стороны главного двора донёсся встревоженный гул голосов и ржание коней.

— Валерия, что там происходит снаружи? — спросила я, чувствуя, как внутри нарастает смутное предчувствие беды.

— А, это Юлиан только что вернулся из императорского дворца, — хмуро отозвалась сестра, поправляя ремень португепи. — Новости скверные. На четыре графства в провинции Лоухольд внезапно обрушился яростный ледяной шторм. Уничтожены тысячи акров пахотных земель, десятки тысяч людей остались без крова и еды. Настоящая ката-

строфа. Император издал срочный указ и поручил Юлиану лично возглавить конвой с золотом для помощи пострадавшим. Он выдвигается сегодня же ночью.

— Так быстро? — моё сердце тревожно сжалось.

— Бедствие не станет ждать, Элли. В таких случаях гнать лошадей день и ночь — обычное дело для военных.

Всё это звучало разумно, но в глубине души я чувствовала, что здесь кроется какая-то зловещая, пугающая деталь. Почему именно молодому генералу из дома Валериусов поручили перевозку огромных имперских средств, предназначенных для ликвидации последствий шторма? Разве Алая Канцелярия или Министерство по налогам не должны были взять это на себя? Это было слишком похоже на тщательно расставленный капкан.

К семи вечера, едва лишь Остерхольд погрузился в непроглядную ночную тьму, Юлиан полностью завершил сборы своего отряда.

Я стояла на высоких каменных ступенях поместья, сжимая в дрожащих пальцах мерцающий марлевый фонарь. Глядя на брата, чьи плечи были скованы в тяжёлые боевые доспехи, я не выдержала и сделала шаг вперёд, тихо предостерегая его.

— Юлиан... Дела, связанные с императорским золотом и помощью пострадавшим, всегда полны грязных интриг и скрытых опасностей. Брат, умоляю тебя, будь предельно осторожен в этой дороге.

Юлиан уверенно перехватил кожаные поводья своего коня, и его весёлый, раскатистый смех эхом разнёсся по тёмному двору. Глаза брата светились непоколебимой отвагой.

— Если я не смогу справиться с таким пустяковым поручением, то буду недостоин звания Молодого Генерала дома Валериусов! Элли, не тревожь свое нежное сердце и ни о чём не беспокойся. Просто жди моего триумфального возвращения!

Затем он повернулся к Валерии, которая стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и произнёс уже совершенно иным, строгим и властным тоном: — Валерия, на тебе остаётся защита дома. Береги матушку и сестру!

— Хватит читать мне нотации, — фыркнула Валерия с привычным напускным пренебрежением, хотя в её глазах тоже промелькнуло беспокойство. — Убирайся уже побыстрее, пока не опоздал к закрытию городских ворот.

Юлиан резко взмахнул хлыстом, отдавая приказ, и повёл верных гвардейцев дома Валериусов за собой. Жуткое пламя факелов вытянулось в длинную огненную змею, которая стремительно уносила вдалеку, пока окончательно не растворилась в глухой, зловещей ночной тишине.

***

Каллум Рейн

После ночной бури затихший Остерхольд умывался слезами. С серых пустых ступеней лениво капала дождевая вода.

Миновав стражников дома Валериусов, дежуривших у задних ворот поместья, я неторопливо спустился по каменной лестнице, усыпанной тяжёлыми, намокшими багряными листьями.

Навстречу мне со стороны улицы Тишины шёл бродячий торговец. Он нёс на плече коромысло с деревянными ящиками и мерно крутил в руке погремушку, зазывая редких утренних прохожих. Завидев меня, мужчина заискивающе заулыбался и поспешил навстречу: — Прекрасный молодой господин, не желаете ли отведать сладостей?

Я остановился. Равнодушным взглядом скользнув по пёстрым цукатам и засахаренным фруктам, плотно уложенным в коробке, я небрежно обронил: — У тебя есть солодовый сахар?

— Да, разумеется, господин, — угодливо закивал лазутчик, проворно доставая кусок замасленной бумаги, чтобы переложить туда тягучее лакомство.

Шум погремушки смолк, и пока его руки были заняты делом, он заговорил вновь — но уже совсем другим, едва различимым шёпотом, предназначенным лишь для моих ушей: — Ваше Высочество, верные люди пустили по столице нужные слухи, как вы и приказывали. Высший Совет Остерии сейчас всю строчит доносы на Кронпринца Даэна, обвиняя его в бесчинствах и недостойном поведении. Все ждут лишь вашего знака.

Торговец ловко свернул кулёк, ни на секунду, не выдав

своей истинной сути, и продолжил отчёт: — Кроме того, ищайки в Генеральском Поместье начали тайно копать под ваше прошлое. Боюсь, они могут разнюхать, что Ваше Высочество скрывается прямо у них под носом. Прикажете устранить ищайку?

— Нет нужды, — я спокойно достал несколько мелких медных монет и опустил их в выдвижной ящичек его лотка. Моё лицо не выражало абсолютно ничего. — Пусть ищут. Это даже забавно.

Всё зависело лишь от того, хватит ли Юлиану удачи вернуться живым из этой поездки, чтобы продолжить своё расследование. Мой дорогой братец Даэн хоть и глуп как свинья, но невероятно мстителен. Он ни за что не упустит конвой с золотом.

— Разузнай для меня всё о «Пыльце Слепого Искушения», — добавил я, и на моих губах заиграла едва заметная, холодная улыбка.

— Будет исполнено, Ваше Высочество, — столь же смиренно улыбнулся шпион и обеими руками благоговейно протянул мне завернутые сладости. — Доброго пути, молодой господин.

Спрятав кулёк с сахаром за спину, я начал неспешно подниматься обратно по ступеням. Звук вновь затрещавшей погремушки за моей спиной постепенно растворялся в сыром воздухе. Я направился напрямиком к водному павильону.

Моё чутьё не обмануло меня — Элара была там. Моя ма-

ленькая госпожа уединённо предавалась каллиграфии, выводя изящные знаки на новом пергаменте.

Резкий порыв ветра бесстыдно подхватил подол её нежно-алой юбки, взметнув его вверх, словно клочок предрасветного облака. Я замер, любуясь этим чистым зрелищем, пока тьма внутри меня голодно тянула свои руки к её свету.

***

Элара Валериус

Будто предчувствуя нашу встречу, я намеренно не взяла с собой служанок. В уединённом водном павильоне мне хотелось побыть одной, но стоило мне опустить взгляд, как Каллум бесшумно подошёл ближе. Он протянул свою бледную руку и принялся медленно, размеренно растирать для меня чернила.

В его позе сквозила ленивая, царственная непринуждённость. Этот человек по своей природе совершенно не был рождён для того, чтобы прислуживать другим. То, как он держал брусок, едва касаясь камня, походило не на работу, а на изящную, полную скрытого подтекста игру, которой он тешился исключительно ради собственного удовольствия.

— Куда ты уходил? Марта сказала, что тебя не было в поместье, — я мельком взглянула на его длинные, тонкие пальцы. Безупречно белая кожа контрастировала с угольно-чёрным матовым бруском сухих чернил, отчего его ладонь казалась выточенной из холодного, благородного нефрита.

В глубине души я поймала себя на странной, пугающей

мысли: руки Каллума казались созданными для того, чтобы переплетать пальцы с кем-то в порыве отчаянной страсти...

Осознав, к каким призракам прошлого уводят меня эти воспоминания, я внутренне содрогнулась. Моё сердце испуганно сжалось, и я поспешно отогнала прочь этот путаный, наважденческий морок.

— Покупал сладости, — Каллум небрежно вытер пальцы шёлковым платком и положил на каменный стол кулёк со свежим солодовым сахаром, слегка подтолкнув его в мою сторону.

Затем он замер, опустив свои тёмные веки. Его голос приобрёл вкрадчивую, обманчиво-мягкую протяжность, в которой явственно послышался опасный холод: — Моя госпожа почему-то не использует то перо, которое я ей преподнёс.

Я перевела взгляд на простое перо, которое держала в руке, и сделала вид, будто совершенно не заметила перемены в его настроении: — Твой подарок слишком прекрасен. Мне попросту жаль тратить его на обычные черновики.

У меня не было привычки писать перьями, увенчанными человеческими волосами, поэтому я бережно спрятала багряную лакированную рукоять в самый дальний, потайной ящичек в своей комнате. В моей голове уже зрел хладнокровный план: если в будущем, обретя былое могущество и став Безумным Регентом, Каллум решит отречься от нашего прошлого и уничтожить дом Валериусов, я достану это перо. Я покажу его ему, чтобы обменять этот безумный залог на

безбедное и безопасное будущее для своей семьи.

— Что это замышляет моя госпожа? Ваши очаровательные глаза так и бегают, — Каллум, казалось, насквозь видел мою мимолётную растерянность. В его груди зародился тихий, низкий смешок.

Я судорожно вздохнула, собирая разбегающиеся мысли, и решительно отложила перо в сторону.

— Вейн, у меня есть к тебе вопрос.

Я крепко сжала губы, делая вид, будто долго и мучительно взвешиваю каждое слово, а затем тихо, едва слышно произнесла: — Если... я говорю «если». Представь, что человек, который преданно служил тебе целых три года, внезапно умер. Как бы ты поступил с её телом?

Эта мысль выжигала мне душу ещё со вчерашнего дня. Вчера Каллум обронил, что ему противно лицо Лианы Торн, и это заставило меня смутно догадаться о страшном: почему в моей прошлой жизни, уже после моей гибели, этот безумец безжалостно изуродовал лицо Лианы своей тростью. Мне отчаянно хотелось знать, сможет ли Каллум из этой, настоящей жизни, развеять те кошмары и сомнения, что терзали меня в прежнем земном воплощении.

Каллум слегка изогнул бровь. В его глазах промелькнуло мимолётное любопытство — его явно забавляло, почему меня волнуют столь загробные вещи. Но тон его остался прежним — ленивым и равнодушным: — Умерла так умерла. Достаточно просто вырыть яму поглубже и зарыть её там.

Я не знала, почему он вообще снизошёл до ответа на эту нелепую, отвлечённую гипотезу. Возможно, всему виной был мой взгляд — слишком тяжёлый, пристальный и полный затаённой боли.

— А что, если для неё не нашлось даже жалкой ямы? — спросила я вновь, подавшись вперёд. Чутьё подсказывало мне, что его следующий ответ обнажит саму суть его израненного сердца.

Каллум на мгновение задумался. Он неторопливо взял со стола кусочек сахара и протянул: — Значит, эта покойница была безродным ничтожеством. Она просто не стоила того, чтобы я тратил на неё свои силы и время.

От этих слов у меня перехватило дыхание, а в горле встал горький, удушливый ком. То, что на протяжении стольких лет казалось мне роковой тайной, то, из-за чего я изнывала от безмолвной скорби, в глазах Каллума было лишь холодным: *«безродное ничтожество, не стоящее усилий»*.

Именно поэтому в прошлой жизни он бросил моё бездыханное тело гнить в полумраке тайной подземной палаты, даже не позаботившись о том, чтобы предать его земле и подарить мне покой! Узнать этот чудовищный ответ оказалось куда мучительнее, чем оставаться в неведении.

Я яростно сверкнула глазами, накрыла его ладонь своей и с силой вырвала кусок солодового сахара прямо из его пальцев.

— Тебе больше не достанется ни кусочка!

Каллум от неожиданности застыл. Посмотрев на свою внезапно опустевшую, раскрытую ладонь, он коротко цыкнул языком, и в его глазах вспыхнул опасный, но весёлый огонёк: какая же я, оказывается, свирепая.

Я судорожно пыталась убедить себя, что всё это осталось в прошлом. Столько времени утекло, истинный виновник моего отравления вот-вот будет разоблачён, и мне не должно быть дела до тех дней, когда я была лишь безмолвным призраком, запертым в его дворце... Но слышать это от него здесь, лицом к лицу, было невыносимо. Сердце предательски ныло от фантомной боли. Странно... Раньше я была куда сильнее и никогда не позволяла себе проявлять такую слабость, девичью ранимость.

Заметив, что я сижу неподвижно, погрузившись в тяжёлое молчание, Каллум растерял свою ледяную невозмутимость. В его взоре отразилось редкое, почти детское замешательство. Он долго и пристально всматривался в мои глаза, а затем, аккуратно очистив кусочек сахара от обёртки, протянул его прямо к моему лицу.

Он медленно, завораживающе моргнул и негромко позвал: — Моя госпожа?

Молочно-белое лакомство было зажато между его безупречными пальцами. Я сморщила нос, чувствуя, как злость стремительно улетучивается. Какой смысл требовать ответа от этого юного, ещё не познавшего крови безумца за те грехи, которые совершил великий и страшный палач из моего

прошлого?

Я подняла на него глаза, собираясь прервать эту затянувшуюся паузу, но в этот момент тишину сада бесцеремонно нарушил торопливый, запыхавшийся голос. К павильону со всех ног бежала Марта, её лицо было бледным от ужаса: — Госпожа!

Увидев, что рядом со мной сидит Каллум, служанка испуганно осеклась, не смея продолжать.

Я сделала глубокий вдох, возвращая себе самообладание, и кивнула ей: — Говори прямо при нём. Что стряслось?

— Госпожа, в поместье барона Торна беда, — Марта судорожно сглотнула и понизила голос до дрожащего шёпота: — Ваша кухня... Лиана Торн мертва. Она покончила с собой.

Эта весть обрушилась так внезапно, что я не сразу смогла осознать услышанное. Смерть Лианы Торн казалась чем-то противоестественным, невозможным. Посмотрев на Марту и убедившись, что бледность её лица и дрожь в голосе — вовсе не глупая шутка, я медленно нахмурилась.

— Как именно она умерла? — спросила я, чувствуя, как внутри разрастается холодная тревога.

— В поместье Торнов утверждают, будто молодая госпожа скоропостижно скончалась от внезапного и тяжёлого недуга, — испуганно пролепетала Марта.

— Да разве это возможно? — вслух произнесла я. Я знала Лиану Торн на протяжении двух земных воплощений, и ни в одной из этих жизней она никогда не страдала никакими

серьёзными болезнями. Её здоровье было отменным.

— Вот и мне, госпожа, это показалось крайне странным, — согласно закивала служанка, нервно теребя передник. — Сейчас в доме барона не хватает людей, и они прислали человека в наше поместье, чтобы одолжить слуг для помощи в организации похорон. Я воспользовалась суматохой, расспросила их посланника и разузнала кое-что из ряда вон выходящее. Оказывается, сегодня на рассвете из Дворца Непорочной Луны прибыл евнух Северус, дабы сопроводить госпожу во дворец. Когда же личная служанка Элена вошла в покои Лианы, чтобы разбудить её к утреннему туалету и облачению, то обнаружила, что её хозяйка уже бездыханна.

Марта тревожно прижала ладони к груди, прерывисто дыша, и продолжила пониженным голосом: — Знающие люди в их поместье шепчутся, будто молодую госпожу нашли на полу, она лежала соскользнувшей под кровать, а губы её полностью посинели и налились багрово-пурпурным цветом. Это совершенно не похоже на естественную кончину от болезни. Всё указывает на то, что она приняла яд.

Яд? Мои мысли завязались в тугой, болезненный узел.

Лиана Торн была из той породы эгоистичных людей, которые превыше всего на свете ценили собственную шкуру. В моей прошлой жизни, когда всё её семейство было безжалостно вырезано, она, пренебрегая гордостью, ползала на коленях, хваталась за подол лакированных одежд Каллума и истошно молила о пощаде. Копии её души были сотканы из

трусости и жажды жизни — как могла она добровольно прервать свои дни? И ладно бы в момент отчаяния, но ведь это случилось как раз перед тем, как она должна была войти во дворец к Кронпринцу Даэну, о чём так страстно мечтала!

Более того, когда вчера она заявила в нашем поместье, за маской мнимой слабости она трусливо прятала явные, змеиные угрозы. Она вовсе не походила на человека, готового наложить на себя руки.

В этом деле крылось слишком много тёмных, зловещих противоречий. Повинуясь смутному, леденящему предчувствию, я инстинктивно повернула голову и посмотрела на сидящего подле меня Каллума.

Мой безумец неподвижно сидел в углу павильона, забившись глубоко в густую тень. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, точно маска искусного кукольника, и лишь когда мой пристальный взгляд коснулся его, уголок его губ едва заметно дернулся вверх.

Его улыбка была пугающей и исключительной по своей жестокости. Каждая черта его порочного лица источала смертоносный холод.

Я мгновенно ощутила, что он глубоко разгневан и недоволен. Мои губы слегка приоткрылись, но слова застряли в горле — я попросту не знала, как подступиться к нему с расспросами и не спровоцировать таящегося внутри него зверя.

Вместо этого я судорожно сжала пальцы, заставила себя отрешиться от пугающих мыслей и вновь повернулась к слу-

жанке: — Марта, вели немедленно закладывать экипаж. Мне нужно лично поехать в поместье Торнов.

Служанка испуганно захлопала глазами и поспешно преградила мне путь, пытаясь образумить: — Госпожа, у вас и так слабое здоровье, а Пыльца Слепого Искушения ещё не до конца покинула ваше тело! Вам ни в коем случае нельзя посещать столь жуткое место, овеянное смертью.

Однако смерть Лианы была слишком подозрительной, и в моей груди бился суеверный страх: я отчаянно боялась, что в это грязное убийство может быть замешан Каллум. Если Алая Канцелярия найдёт хоть малейший след, его хрупкое убежище в нашем доме рухнет.

Приняв окончательное решение, я твёрдо скомандовала: И приготовь для меня траурную чёрную вуаль, поминальный чеканный светильник и охапку белых лилий.

Выходя из прохладного водного павильона, я не удержалась и оглянулась назад. Каллум так и остался сидеть на прежнем месте, лениво откинувшись назад. Половина его бледного лица была полностью скрыта зловещей ночной тенью, и разобрать, какие демоны сейчас терзают его душу, было решительно невозможно.

Я сделала глубокий, прерывистый вдох, успокаивая бешено бьющееся сердце. Шагнув обратно под мрачные своды беседки, я медленно протянула руку, взяла со стола один из кусочков солодового сахара, что он принёс для меня, и вложила в его раскрытую ладонь. Встретившись взглядом с

его тёмными, бездонными и непроницаемыми глазами, я тихо, но уверенно произнесла: — Дождись моего возвращения, Вейн.

***

Каллум Рейн

Я молча смотрел ей вслед, пока тонкий силуэт Элары окончательно не растворился среди сырых деревьев поместья. Моя маленькая госпожа ушла, оставив после себя лишь едва уловимый шлейф аромата и горькие, неудобные вопросы.

«Безродное ничтожество...» Повторил я про себя собственные слова, и внутри шевельнулось нечто похожее на глухую, раздражающую досаду. Почему её так задел этот ответ? Откуда в её глазах взялось столько подлинной, застарелой боли, будто я лично швырнул её тело псам? Глупая, наивная девчонка. Она окружила меня заботой, согрела, а теперь пытается отыскать каплю сострадания в чудовище, у которого отродясь не было сердца. В её мире за преданность платят верностью, но в моём мире — мире предательств Империи Остерия — мертвецы стоят лишь того, чтобы стать удобрением для земли.

Прошло немало времени, прежде чем я опустил взгляд на свою ладонь. Там лежал липкий кусочек солодового сахара, согретый теплом её пальцев. Кулёк, который я принёс, задумывался как очередная уловка, пустая безделушка, чтобы усыпить её бдительность. Но то, как она яростно вырвала

его, а затем вернула обратно, требуя дожидаться её... Это было странно. Никто и никогда не приказывал мне ждать.

Я медленно поднёс сладость к губам и бросил в рот.

Раздался резкий, оглушительный хруст. Я с силой перемалывал зубами твёрдый сахар, сжимая челюсти так яростно, словно хладнокровно грыз кости своих врагов. Острые осколки кололи язык, но я продолжал жевать, смакуя это разрушение.

— Тьфу, — я брезгливо сплюнул остатки на каменный пол павильона и вытер рот тыльной стороной ладони. — Какая гадость. Мерзкий, приторный вкус.

Сладость была отвратительной. Но почему-то этот чужой, удушливо-липкий сахар — единственное, что всё ещё удерживало моих демонов на привязи в этой проклятой беседке.

Глава 6

Элара Валериус

Поместье барона Торна.

Этот некогда пышный особняк ещё не успели перестроить и расширить, и ему явно не хватало того давящего величия, которое я помнила по своей прошлой жизни. Краска на дверных ручках в виде звериных морд уродливо облупилась, а выцветший геральдический знак на воротах лишился угла, из-за чего всё здание выглядело донельзя обшарпанным, убогим и покинутым.

Пройдя через две жизни, через собственную смерть и перерождение, я вновь переступила порог этого дома. На удивление, я не ощутила того яростного негодования, которое, как мне казалось, должно было вспыхнуть в моей груди. Простой дощатый гроб посреди унылого зала и белёсые погребальные полотна, развешанные повсюду, словно насмехались над тем, как бездарно Лиана Торн загнала себя в смертельную ловушку.

Всего за какую-то половину месяца семейство Торн лишилось сначала приёмного сына Варкаса, который сгинул, страшась неминуемой кары, а теперь и родной дочери. Баронесса Торн уже обессилела от слёз и то и дело лишалась чувств. Сам же барон сделался ещё мрачнее и холоднее прежнего: он презирал своих детей за то, что они покрыли

его имя несмыываемым позором, и даже не удостоил поминальный зал своим присутствием, желая лишь поскорее заколотить гроб и зарыть покойницу в землю.

Траурный покой встретил меня мёртвым запустением. Я молча взяла из рук Марты корзину с вещами и бросила горсть ритуальных принадлежностей в тлеющую жаровню.

Но чего я точно не могла предугадать — так это того, что гроб ещё оставался открытым. Когда я выпрямилась, мой взгляд упал прямо на Лиану Торн, неподвижно лежащую на дне деревянного ящика.

Сначала меня пронзил леденящий шок, а в следующее мгновение дыхание просто застряло у меня в груди. Мои зрачки судорожно сузились, а разум отказывался верить собственным глазам! Те страшные воспоминания, которые я так отчаянно и намеренно пыталась похоронить в потайных уголках памяти, хлынули наружу безудержным каскадом, безжалостно сметая остатки моего самообладания.

Это мертвенно-бледное лицо, багрово-пурпурные губы и следы запекшейся чёрной крови возле ноздрей, которую так и не удосужились тщательно стереть перед прощанием... Искажённые черты Лианы вдруг поплыли перед моими глазами, двоясь и сливаясь, пока окончательно не превратились в моё собственное лицо — лицо из прошлой жизни, когда я точно так же лежала на ледяном ложе в полумраке потайной палаты Каллума.

В этот миг я вновь ощутила себя той самой бесплот-

ной, неприкаянной душой, что когда-то за занавесью чужого безумия парила в пустоте, обречённая со стороны созерцать свой собственный обезображенный труп. Липкий, могильный холод медленно пополз вверх по моему позвоночнику.

— Госпожа? Госпожа Элара!

Заметив, что я оцепенела и застыла словно каменное изваяние, Марта испуганно вскрикнула. Она поспешно шагнула вперёд и закрыла мне обзор своей тёплой ладонью, взволнованно шепча: — Я ведь умоляла вас не приходите сюда! Какое жуткое, зловещее зрелище!

Когда темнота скрыла от меня покойницу, а спасительное тепло чужой руки вернуло рассудку ясность, я судорожно выдохнула. Это не тайная палата Безумного Регента. И человек, лежащий в гробу, — вовсе не я. Я жива, я стою здесь, и я сделаю всё, чтобы жить долго и счастливо, оберегая покой своей семьи и нерушимую гордость дома Валериусов.

Я заставила себя закрыть глаза, сделала несколько глубоких, прерывистых вдохов и, несмотря на крупную дрожь в пальцах, решительно отвела руку Марты от своего лица. Сейчас было неподходящее время для девичьих страхов. Мне было жизненно необходимо убедиться: умерла ли Лиана Торн от того же самого скрытого, изощрённого яда, который когда-то оборвал мою собственную земную жизнь? Если мои догадки верны, то что это за проклятое снадобье? И какая тварь пустила его в ход?

Мои руки всё ещё ошутимо подрагивали, но мысли в го-

лове прояснились и сделались острыми, точно лезвие клинка. Когда я вновь распахнула глаза, от прежней растерянности не осталось и следа.

Глядя сквозь поднимающиеся хлопья серого пепла, я ненадолго задумалась, а затем резко повернулась к служанке. — Марта, мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня...

Спустя четверть часа Марта незаметно протянула несколько серебряных монет той самой служанке из поместья Торнов, у которой выведывала слухи утром, и быстрыми шагами направилась к ожидавшему её экипажу, где я уже изнывала от нетерпения.

— Госпожа, мне удалось разузнать абсолютно всё, — Марта юркнула внутрь кареты и принялась усиленно обмахиваться платком, пытаясь перевести дух после беготни. — Вчера, едва солнце перевалило за полдень, молодая госпожа вернулась домой сама не своя. Она выглядела крайне встревоженной, заперлась в своих покоях и очень долго сидела в полном одиночестве, погружённая в тяжёлые думы.

— Вернулась только после полудня? — я мысленно вернулась к событиям вчерашнего дня. Вчера Лиана Торн явилась в наше поместье ранним утром и покинула его самое позднее к полудню. Где же, во имя всех богов, её носило те три долгих часа, что разделяли её уход от возвращения домой? С кем она успела встретиться втайне от всех?

— Да, госпожа, она вернулась именно тогда, слуги подтвердили это несколько раз, — продолжала Марта. — Ближе

к закату молодая госпожа стала жаловаться на невыносимую резь в животе и слабость во всём теле. Ей поднесли чашу с целебным отваром, после чего она сразу легла в постель. Ближе к полуночи горничная погасила светильники в её покоях, и из-за дверей больше не доносилось ни единого звука. А уже на рассвете к воротам усадьбы прибыл евнух Северус с императорским указом, дабы забрать её во дворец. Когда же служанка вошла, чтобы подготовить госпожу к выезду, та... та уже была мертва.

Моё сердце болезненно ухнуло вниз, покрываясь ледяной коркой. Опасаясь услышать самое страшное, я тихо спросила: — Она... исходила кровью перед смертью?

— Да, да, именно так! — Марта испуганно и часто закивала. — Говорят, из неё выплеснулся целый фонтан чёрной, густой крови. Сгустки запачкали всю её одежду и шёлковые портьеры у кровати. Первые слуги, что вбежали на крик, застыли от ужаса при виде этого кошмара! В поместье всюю шепчутся об убийстве, но когда присланные лекари осмотрели тело, они, как ни странно, не смогли определить природу этого яда.

— А где сейчас то окровавленное платье?

— Барон посчитал эти вещи проклятыми и зловещими, а потому приказал немедленно сжечь дотла и одежды, и постельные занавеси.

Слушая её торопливый шёпот, я чувствовала, как внутри меня всё окончательно каменеет. Каждый симптом, каж-

дая жуткая деталь с точностью до мелочей повторяли мою собственную безмолвную гибель в прошлой жизни. Раз даже лучшие лекари Остерхольда не сумели распознать этот состав, значит, обычный человек попросту не мог иметь к нему доступ. Я всё сильнее убеждалась в том, что Лиана Торн не накладывала на себя руки. Будь у неё на руках столь редкий и безотказный яд, она бы без колебаний отравила меня первой, а не стала бы пить его сама.

Скорее всего, тот безжалостный кукловод, который оборвал её жизнь сегодня, был тем же самым палачом, который убил меня в моём прежнем воплощении. Но каков был мотив этого преступления?

Я словно стояла посреди глухого, удушливого тумана, зная, что до страшной истины остался всего один-единственный шаг. Попытавшись унять дрожь, я ухватилась за ключевую зацепку: — Когда Лиана Торн покинула наше поместье, с ней был кто-то ещё?

Марта отрицательно покачала головой: — Я выпросила всё, как вы велели, госпожа. В тот час с ней была только её верная служанка Элена.

— И где сейчас эта Элена?

— После кончины хозяйки девка словно умом повреди-лась, ходит как тень. Её долго и с пристрастием допрашивали, но она лишь безумно твердила одно и то же: «Я ничего не знаю». А потом, должно быть, не выдержав давлений и угроз, она с криком бросилась на стену и расшибла себе голову...

При этих словах Марта испуганно сложила ладони в безмолвной молитве к Богине Милосердия Эларии, ища защиты от скверны, а затем продолжила: — Она выжила, но толку от неё сейчас мало. В голове у неё зияет страшная кровавая рана, и она лежит без чувств в глухом деревянном сарае.

Как бы то ни было, несчастная Елена оставалась единственной ниточкой, способной пролить свет на этот кошмар, и я не могла позволить ей безвременно уйти за грань. Нужно было во что бы то ни стало вернуть её к жизни и вывести всё, что она видела. А что касается этого загадочного яда, перед которым пасовали лекари...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.